

МАРИЯ ПОКУСАЕВА

16+

Мария Покусаева

Зеркала

«Автор»

2018

Покусаева М. Н.

Зеркала / М. Н. Покусаева — «Автор», 2018

Шкаф, зеркало, кроличья нора — что угодно может стать дверью, которая откроется в мир, полный чудес. Так случилось со мной. За волшебной дверью меня ждали — и встретили как почетную гостью. Они пообещали добрые чудеса, безобидные приключения и пару коньков в придачу, всё — лишь бы я осталась на пару месяцев при дворе златовласого принца. Но у чародеев и принцев есть свои секреты, глубины зеркал прячут чудовищ, а законы магии жестоки и злы, если ты их не знаешь. Когда погаснут волшебные огни, когда мир повернется ко мне своей темной стороной - кем я стану?

© Покусаева М. Н., 2018

© Автор, 2018

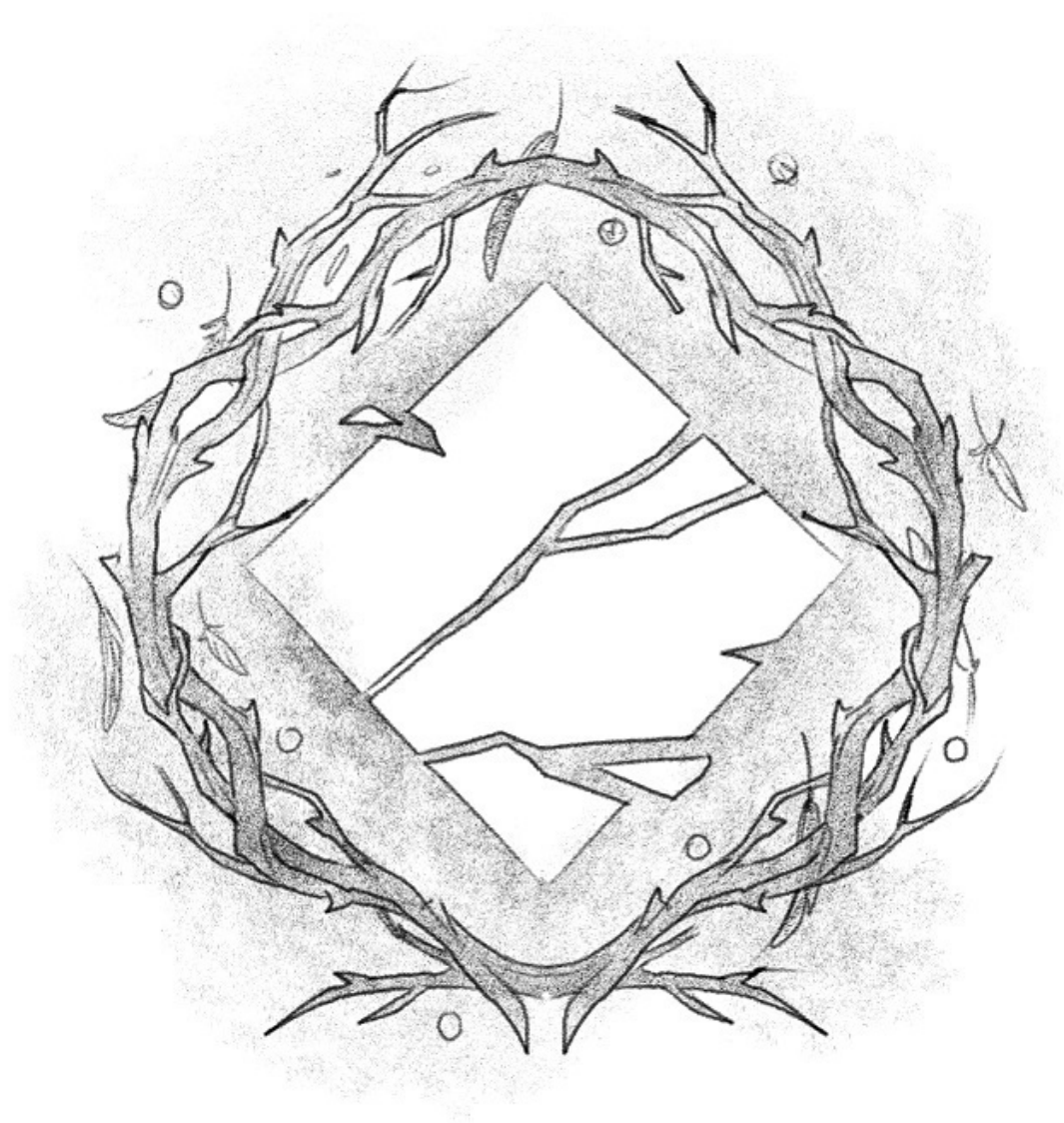
Содержание

Пролог: Count Zero	5
Дым и зеркала	10
Лисы, призраки и люди	23
С той стороны стекла	42
Лекарство от меланхолии	53
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Мария Покусаева

Зеркала

Пролог: Count Zero

*Come away, O human child!
To the waters and the wild
With a faery, hand in hand,
For the world's more full of weeping
than you can understand.*

William Butler Yeats, «The Stolen Child»

Когда я вышла из бара, шел снег.

Он падал густыми хлопьями, словно ждал своего часа последние почти два месяца, медленно опускался на землю и не таял. Город затих под снегом, убавил громкость, даже фонари, кажется, потускнели. Не было слышно ни музыки, ни машин, и воздух потрясаяще пах зимой.

Я сунула сигарету в рот и щелкнула зажигалкой, подождала, пока загорится оранжевый огонек, пожирающий табак и бумагу, и выдохнула дым в холодный воздух. Пальцы, конечно, мерзли, но перчатки я не носила – боялась потерять. Карманы и рукава надежнее. Дым – тоже сойдет.

На другой стороне улицы шел большой, грузный мужчина, вокруг которого вилась и едва не подпрыгивала от радости такая же большая овчарка. За ними бежали две цепочки следов – степенная человеческая линия и собачьи петли. Ничего особенного. Ничего необычного. Ничего такого, чтобы я потом сказала, что получила в тот день одно или два предупреждения, знака, сигнала, что все пойдет не так.

Все всегда шло не так, если дело касалось меня.

Я выбросила сигарету, поправила на плече рюкзак и шагнула вперед, из-под козырька над крыльцом бара – в снежную кутерьму. Пришлось набросить на голову капюшон толстовки, потому что белые хлопья путались в волосах и начали таять.

Шапку я не носила, как и перчатки, по ровно той же причине.

Ключи от квартиры, где моя сестра снимала комнату, лежали в глубоком кармане куртки, запертые на надежную молнию – точно не выпадут. Там, в глубине лабиринта из проходных дворов, подворотен и арок, меня ждало маленькое личное одиночество, ноутбук с сериалом, шоколадка и тишина. Никаких подглядываний в экран. Никаких вопросов, на которые я бы не хотела отвечать: как дела в школе, которая уже давно не школа, какие планы, все ли я успеваю.

Декабрь перевалил за первую треть – канун сессии, разгар распродаж в торговых центрах, попробуй тут все успеть, если ты днем – студент, а вечером – супергерой за кассой. Я кое-как успевала, возвращаясь домой ближе к полуночи, усталая и голодная. Там, дома, на окраине большого-большого города, это всех раздражало.

Поэтому у меня были ключи от другого дома.

Официально я присматривала за цветами. Должен же был кто-то их поливать и говорить с ними, пока хозяйка – моя сестра, старшая и самая умная из нас всех, – уехала. По каким-то своим делам. Неофициально я получила возможность полторы недели отдохнуть от долгих поездок в метро, маминого стремления залезть в мои карманы, папиного осуждения и каверзных вопросов младшей сестры. Она, кстати, была самой красивой из нас.

А я родилась средней – и, кажется, несколько не задалась.

Идти в кедах по свежему снегу было холодно и мокро. Пальцы страшно замерзли почти сразу. Слишком легкие джинсы тоже не держали тепло. Снег запорошил плечи, налип на воротник, набивался в рукава и карманы – там, где он касался кожи, я чувствовала покусывание холода, злое и острое. Утренний прогноз соврал: теплая погода – поздняя осень, а не зима! – и не думала такой оставаться, обещанный плюс сменился на минус, а ясная ночь – на тяжелые снежные тучи. Завтра утром я пожалею, что не взяла с собой теплых вещей.

Хотя, наверное, никто не умрет, если я стащу у сестры свитер и шарф.

Возможно, она даже успеет вернуться до того, как я проснусь, если ее самолет не задержат – с такой-то погодой.

Темные запутанные дворы, которыми мне предстояло идти, давно перестали меня пугать. Я шагнула в первую арку через калитку в кованых воротах и отряхнулась почти как собака, пытаясь сбросить с себя налипший снег. Впереди, там, где кончалась арка, на асфальте была видна четкая граница между темно-серым и белым, и до меня здесь никто не проходил.

Мир казался вымершим. Пустым. Почему-то не горели фонари и огни в домах. Можно было вообразить, что во всем городе ты остался один, а остальные – исчезли, такой вот сюжет апокалипсиса. Я шла вперед – мимо детской площадки, окруженной кустами, мимо двухэтажного дома, который зачем-то вырос здесь, посреди двора, в окружении домов повыше, мимо торчащих из стен шахт, в которых дремали лифты, мимо брандмауэра левее, туда, где нужно было нырнуть в еще одну арку – и оказаться в маленьком, темном, почти квадратном дворике, похожем на каменный колодец.

И где-то здесь, именно здесь меня догнало чувство, что кто-то смотрит мне в спину.

Бывает такое иногда, что ты в темноте просыпаешься, лежишь и понимаешь, что нельзя оборачиваться, потому что за спиной что-то такое притаилось: оно знает, что ты знаешь, что оно здесь, а ты знаешь, что оно знает, но лучше не показывать виду, не давать ему повода. Лучше сжаться, закутаться в одеяло поплотнее, подумать о хорошем и добром и попытаться заснуть. Я в такие моменты всегда находила в себе силы вспомнить, как в детстве мы светили фонариком под кровать, чтобы показать – нет там никаких монстров.

Именно поэтому я обернулась.

Там, где раскрывался темный зев арки, кто-то был.

Или мне показалось, и это было лишь причудливое переплетение теней, снежный морок и бокал пива, который я выпила в баре.

«Надо же, – подумала я, разворачиваясь с ухмылкой, – нервы уже ни к черту, мерещится всякое...»

...а ночь мне спать в старой квартире с узким коридором, заставленным всяким хламом, со всеми ее шорохами, тенями, вздохами из застенья, паутиной трещин на высоком потолке, пустующими комнатами, в которых никто не живет...

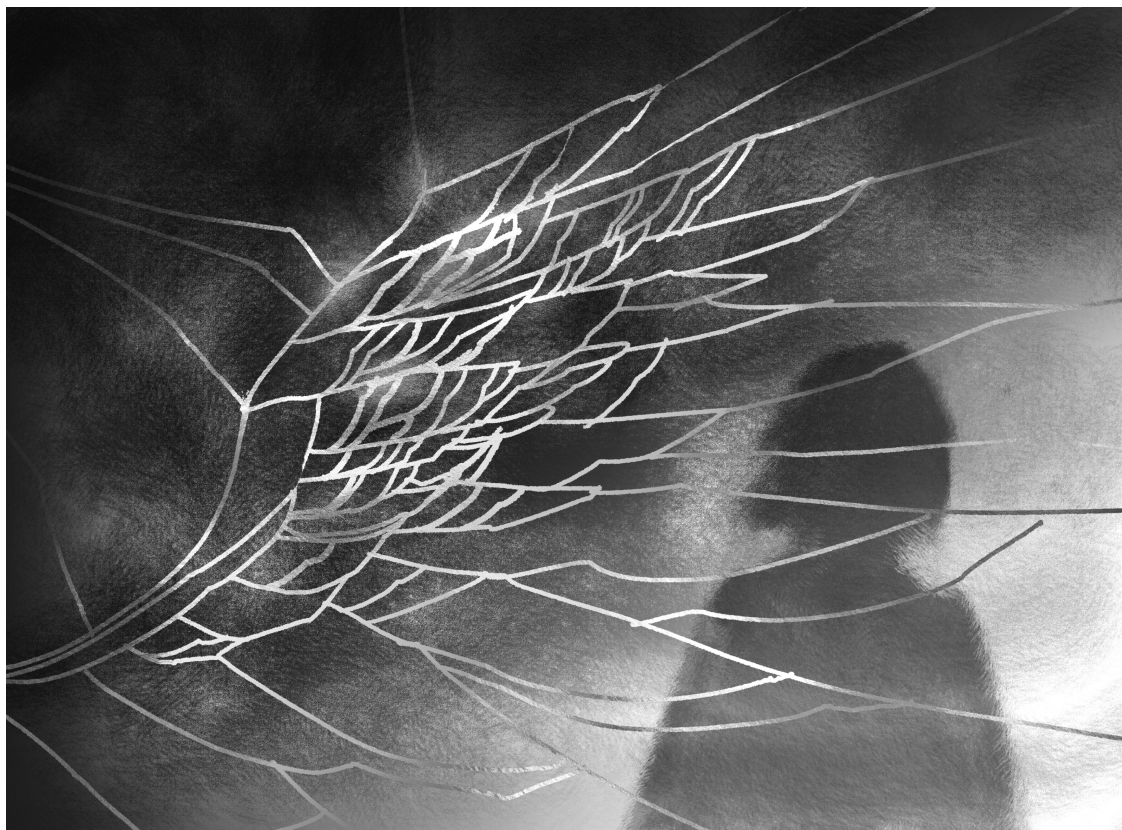
Глупости такие.

Я нервно фыркнула и поправила капюшон, зачем-то стряхнув с него снег, сунула руки в карманы и постаралась не думать об этом. Я просто устала. Устала и замерзла – еще бы, вышла как дура в одежде не по сезону, внимательнее надо быть. Ничего, ужин, чай, спать. Главное, ужастики на ночь не смотреть, даже если захочется, а так все будет...

Ветер ударил мне в спину так, что я едва не упала. Снежинки завертелись вокруг, как потревоженные осы, прямо перед лицом, и я зажмурилась, выставила вперед руку, отмахиваясь от них. В тишине, сквозь которую не пробивалось ни звука снаружи, словно бы город и правда заснул под этим внезапным снегом, я услышала легкий звон – словно хрустальные подвески на люстре случайно задели, и чей-то вздох – прямо за своей спиной.

Я обернулась.

То, что я видела, я, к счастью, забыла на время. Я вспомню это потом, когда буду готова и к чудесам, и к чудовищам. А пока за моим «обернулась» шла темнота.

Дым и зеркала

Я улыбнулся, а идиотка, хоть и без того болезненно бледная, побледнела еще больше и заложила ручки за спину. Чтобы скрыть их дрожь.

© Анджей Сапковский «Золотой полдень»

Когда я проснулась, у меня все еще болела голова – неприятно и тяжело, как после температуры. Я поморщилась, переворачиваясь на спину. Открывать глаза не хотелось, но пришлось, потому что я проснулась где-то не там, где должна была проснуться. Не дома. Не у сестры. Не в гостях у кого-то из своих знакомых.

И точно не в отделении полиции или больницы, потому что в таких местах вряд ли будут резные деревянные панели на потолке.

Я попыталась сесть, получилось с трудом, потому что спала я на узковатом, каком-то старомодном диванчике, жутко неудобном и явно не приспособленном для того, чтобы на нем спать. Кто-то – не знаю, кто – подложил мне под голову подушку и попытался прикрыть ноги пледом, который теперь почти свалился на пол.

Как мило.

Попытка вспомнить, кто это сделал, как я вообще сюда попала, оборачивалась ничем.

Кеды обнаружили под диваном прямо на паркете, носок к носку, пятка к пятке, куртка и рюкзак – на кресле рядом, таком же вычурно-старомодном как диванчик. Все было сложено аккуратно, с педантизмом почти – точно не я делала. Я бы просто бросила, хорошо, что не на пол, и кеды бы валялись в соседнем углу.

На низком столике рядом стоял канделябр с тремя свечами, и вот это, пожалуй, было страннее всего. Два огонька освещали пространство передо мной, отражаясь в стеклянных дверцах шкафов и бликуя на лакированном дереве, и кроме этих огоньков другого освещения в комнате не было. Даже люстра не свешивалась с потолка.

Третья свеча погасла. Я все еще чувствовала запах дыма, который, возможно, и разбудил меня.

То ли проблемы с электричеством – большие. То ли – с головой у того интерьерного фрика, в гостях у которого я оказалась. Ну кто будет жечь свечи в канделябре, которому место явно в музее? Тяжелом, металлическом, с какими-то цветами и листьями, красота.

То, что эта штука была тяжелой, я проверила опытным путем – просто взяла канделябр с собой. Обе пары двустворчатых дверей, ведущих в комнату – или из нее, кому как нравится, были закрыты. Я не знала, что пряталось за ними, и торопливо искать в темноте выключатели не планировала. Я ступала осторожно, боясь произвести лишний шум, словно на любой слишком громкий звук откуда-нибудь обязательно появится строгий дворецкий и шикнет на меня, непонятно как оказавшуюся посреди этой странной почти роскоши. Сил и времени рассматривать все у меня не было, но я замечала то узор на обоях, то отблеск хрусталя в шкафу, то фигурку на полке над камином.

Камин.

Судя по всему – работающий.

Не то чтобы жуткая редкость, но ни у кого из моих знакомых не было исправного камина.

Одна из дверей оказалась заперта, а вторая вела в маленький, узкий коридор, который заканчивался дверями. Закрытыми, но неплотно. Из-под этих дверей пробивался свет.

Я прошла вперед мимо двух стрельчатых окон с узором из мелких стекол. Огоньки свечей дробились и бликовали в них. Увидеть, что там, снаружи, было невозможно, я только чувствовала, как от окон веет зимним холодом.

Двери открылись легко, почти бесшумно, и первое, что я увидела, было высокое зеркало в человеческий рост, стоящее в углу так, что в нем отражалась почти вся комната, освещенная желтоватым светом: книжные шкафы, закрытый комод, заваленный сверху бумагами, кусок стены, письменный стол. За этим столом, положив руки под голову, спал незнакомый мне человек.

Я не успела оторвать взгляд от зеркала и обернуться, как он проснулся, словно почувствовал, что я здесь. Проснулся, поднял голову и посмотрел на меня прямо из зеркала, пристально и чуть хмуро, будто бы не понимал еще, что происходит. Примерно как я пару минут назад.

Я развернулась так резко, что еще одна из свечей потухла, оставив в воздухе тонкую нить дыма.

– Д-д-доброе утро, – прохрипела я, не придумав ничего лучше.

Он выпрямился и зевнул, прикрывая рот ладонью. На пальцах сверкнули кольца. Я запнулась и растеряла все слова, которые могла бы сказать, только смотрела вперед, чувствуя, как начинают пылать щеки.

Он был бледным настолько, что это бросалось в глаза, худое лицо казалось изможденным из-за глубоких теней под глазами, но ни усталость, ни заспанный вид не делали его менее... красивым? Даже, наверное, наоборот. Они ему шли, как некоторым идут мешковатые свитера и растрепанные волосы – то, что иных неудачников, простых людей, превращает в чудовищ. Если бы я видела этого человека раньше, я бы точно его запомнила. Такие мальчики красоты небесной, о скульпы которых можно порезаться, обитают в других мирах. Не там, куда заглядывала я.

Парень провел рукой по волосам, таким явно привычным жестом убирая длинные черные пряди со лба, и уставился на меня, по-птичьи наклонив голову набок. Он молчал и едва заметно хмурился, разглядывая меня, отчего в его лице появлялось что-то недоброе.

Хищное.

Мне почему-то резко расхотелось выяснять, как я тут оказалась.

Я поежилась под едким и прямым взглядом и поудобнее перехватила канделябр, который так и норовил выскользнуть из рук. Руки мне хотелось спрятать за спину, чтобы скрыть их дрожь, еще и рукава натянуть, но нет.

– Я дико извиняюсь, – сказала я уже не таким хриплым голосом. – Не могу вспомнить ничего из вчерашнего вообще. Может, ты просто дашь мне адрес, я вызову такси и свалю, пока мне не пришлось краснеть за свои подвиги?

Чужой взгляд зацепился за канделябр, тонкие губы дернулись в усмешке – один краешек пополз вверх, словно вся ситуация казалась незнакомцу забавной. Он все еще молчал, только продолжал рассматривать меня со странной смесью любопытства и пренебрежения. Что-то мне объяснять, кажется, никто не торопился. Удерживать, видимо, тоже.

Я вздернула подбородок, храбрясь, подошла ближе – и поставила канделябр на стол.

– Ладно, – сказала я и пожала плечами, стараясь не выдать ни страха, ни восхищения, ни удивления – рубашка на этом молчаливом товарище была слишком уж старомодная, словно он вернулся с готской тусовки или сбежал с репетиции какого-нибудь «Гамлета». – Если ты не хочешь говорить, то я, пожалуй, пойду. Дверь закрыть не забудь!

Надеюсь, хоть район окажется знакомым.

Он наклонил голову на другой бок и улыбнулся чуть шире – и не менее криво. К пренебрежению и любопытству в его взгляде добавилось что-то новое, похожее на ехидное ожидание.

«Ну-ну, – говорил этот взгляд. – Давай попробуй».

Я поджала губы и попробовала.

Положила ладонь на дверную ручку.

– Не получится, – раздался за спиной чуть хриплый, прохладный голос.

– Что, прости? – не без ехидства спросила я, толкая дверь.

Не получилось.

– Доброе утро, – сказала она.

Хрипло, словно за пару часов без сознания разучилась говорить.

Кондор выпрямился и зевнул, для приличия прикрыв рот ладонью. И только после этого, кажется, действительно проснулся.

Девушка так и стояла у двери, не двигаясь с места, и смотрела на него, следила за каждым движением настороженно и сердито. И боялась, сжимая в руках тяжелый канделябр. «Может быть, – подумал Кондор, убирая волосы со лба, – еще сама не понимала, как сильно боится».

Две свечи уже погасли, одна – когда ей полагалось, вторая – только что от неловкого движения девушки. Хорошо, что не уронила, и на том спасибо.

На ней была одежда, казавшаяся выцветшей и потертой. Темная, неприметная. Не такая, которую здесь полагалось носить кому-то вроде нее. Пожалуй, если не присматриваться, если скользнуть по этой конкретной девушке взглядом, как по чему-то малозначимому, то и не поймешь, кто перед тобой – маленькая женщина, растрепанная и напуганная, или юноша в странной одежде, тоже напуганный и тоже растрепанный.

Она вздрогнула и поудобнее перехватила канделябр, словно планировала защищаться им от чудовищ и теней, которых Кондор, как полагается злему чародею, должен был на нее натравить, но с места пока не сдвинулась. Ее взгляд был прямым и, несмотря на страх, цепким и любопытным. Кондор подумал, что его давно не рассматривали так жадно и пристально, с плохо скрываемым восхищением, совершенно искренним и, кажется, бескорыстным.

– Я дико извиняюсь. – Голос девушки, как Кондор не без неприятного для себя триумфа отметил, хотя уже и не был хриплым, но чуть заметно дрожал. – Не могу вспомнить ничего из

вчерашнего вообще. Может, ты просто дашь мне адрес, я вызову такси и свалю, пока мне не пришлось краснеть за свои подвиги?

Как именно работало заклинание, которое ломало языковой барьер, заставляя девиц с той стороны неплохо понимать местный язык – и так же неплохо на нем изъясняться, постепенно набираясь опыта и образности, Кондор, увы, не знал. Пытался как-то понять, но плетение нитей было слишком плотным, а матрица знания – слишком объемной, в такую полезешь – и вернешься с мозгами набекрень, проще оставить и не трогать, пусть работает как есть. Оно работало – с некоторыми погрешностями, конечно, потому что не все слова оттуда значили что-то здесь.

Слово “такси”, к примеру, означало что-то такое. Не от мира сего. Но для мира того, наверное, привычное.

Он не удержался и усмехнулся.

Девушка, видимо, решила считать продолжительное молчание в ответ на свою реплику чем-то средним между насмешкой и пренебрежением. Сквозь страх проступило нахальство, очень слабое, ей самой явно неудобное, подбородок дернулся. Она задрала нос так храбро, словно не готова была сбежать, стоит щелкнуть на нее зубами, и подошла ближе – поставила канделябр перед Кондором.

– Ладно. – Она с подчеркнутой небрежностью пожала плечами, словно стряхнула с них руки того, кто ей противен. – Если ты не хочешь говорить, то я, пожалуй, пойду. Дверь закрыть не забудь!

Кондор наклонил голову на другой бок и попытался улыбнуться уже по-хорошему. Спросонья, наверное, не получилось.

Прежде чем развернуться лицом к двери, девушка шмыгнула носом и еле заметно поджала губы.

Почти капризно.

Это почему-то царапнуло Кондора, не больно, конечно, но неприятно.

Ее ладонь легла на дверную ручку...

И Кондор не удержался.

– Не получится, – сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Без ехидства.

Девушка, впрочем, ехидство скрывать не пыталась.

– Что, прости? – ответила она, толкая дверь.

Не получилось.

– Не получится, милая, – так же спокойно повторил Кондор, снова зевая и наблюдая, как гостя судорожно пытается открыть дверь его кабинета. Сцепленный чарами механизм щелкал, шипел, в нем что-то двигалось, но замок не открывался.

Рука сама собой потянулась к чайнику, проверить, насколько он остыл.

Девушке снова стало страшно.

Она развернулась, скрестив руки на груди и шумно выдохнув воздух через ноздри, как рассерженный зверек. Уставилась почему-то в зеркало, на отражение Кондора, и так злобно, что зеркалу стоило бы осыпаться осколками от ужаса, жалобно и виновато звеня. Кондор перехватил ее взгляд там, с той стороны стекла, радуясь, что гостя не обладает способностью испепелять или превращать человека в камень движением век. Он чуть приподнял чашку – пока пустую.

– Прекрасно понимаю твое замешательство, – сказал он, стараясь быть настолько приветливым, насколько мог, – но, к сожалению, тебе придется сесть и выслушать все, что я скажу. Чаю? – Он улыбнулся, но девушка не сдвинулась с места, продолжая злиться. Кондор нахмурился и сказал уже куда резче: – Тебе все нужно по два раза повторять? Сядь! – и указал взглядом на диван.

И добавил в этот приказ чары.

Легкие, вряд ли кто-то, вдруг оказавшийся свидетелем этой сцены, заметил бы их след.

Потом, наверное, ему будет за это стыдно, но тратить силы на бессмысленный спор или уговоры не хотелось.

Девушка покорно подошла к дивану и села на краешек так скромно, словно боялась занять слишком много места. Руки она все еще держала скрещенными на груди, закрываясь ими и от Кондора, и от мира вокруг них.

– Чай? – повторил Кондор, пока придумывал, с чего начать.

Она рассеянно кивнула, не отводя в сторону взгляд – очень вопросительный и все еще злой. Вблизи черты лица казались еще более детскими, и девушка напоминала маленького рассерженного котенка. Или щенка. В общем, что-то достаточно милое, чтобы доставить множество мелких неудобств.

Кондор лениво подпер голову ладонью, заставляя себя держать концентрацию внимания и медленно, слово за словом, движение за движением, сворачивать их диалог в нужную сторону. Главное – не забыть ничего, хотя что-то он уже точно забыл.

Заставить остывший уже чай в фарфоровом чайнике снова стать теплым – одно привычное движение руки. Наклонить этот самый чайник, чтобы не пролить ничего на стол, – испытание уже посложнее. Почему-то казалось, что стоит на секунду прикрыть глаза, и эта секунда превратится в пару часов сна, совершенно ненужного здесь и сейчас, поэтому Кондор держался, разглядывая девушку.

То, как она берет в руки чашку, нелюбезно буркнув скупое “спасибо” и отводя взгляд. Как дрожат ее руки, отчего по поверхности чая расходуется мелкая рябь. Как она встряхивает головой, пытаясь сбить со лба растрепанные и слишком короткие – по местным меркам – для взрослой девушки пряди.

Такая прическа, как у нее, прямые волосы чуть ниже плеч с дурацкой челкой, отросшей и лезущей в глаза, подошла бы девочке, все еще увлеченной кукольными чаепитиями, воспитанием канарейки или поиском колец фей в саду перед домом.

Пять тонких металлических колец в правом ухе с этим нежным образом никак не увязывались.

Девушка очень по-детски прикусила нижнюю губу и уверенно поставила чашку на стол.

– Где я? – Она снова смотрела прямо на Кондора, сдвинув брови. – То есть... эмм... я не про адрес, конечно. Я тебя не помню. И я не помню, как оказалась здесь. – Она говорила медленно, словно подбирала каждое слово, боясь ошибиться. – Как-то это... странно. То есть, правда, я обычно так не делаю! В смысле, не сплю у незнакомых... Ой.

«Ей страшно, и она оправдывается, – напомнил он себе, – поэтому она резкая. Почти грубая. Поэтому в голосе злость, а еще обида на себя и на весь мир. И на него, на Кондора, лично, потому что он, пожалуй, самый удобный объект для обиды здесь и сейчас».

– Я знаю, у тебя сейчас много вопросов, – небрежно ответил Кондор, кидая в свою чашку еще один кусок сахара. Какой-то из, неважно. Девица, кажется, их сосчитала, и ее брови удивленно дернулись. – Я отвечу на все, только, прошу, постарайся без лишних движений, хорошо? Ты цела, и никто не причинил тебе вреда.

Она моргнула. Кондор сделал глоток чая и задумчиво очертил пальцем круг на столе:

– Но... хм... Я не могу сказать, что с тобой всё в порядке, – осторожно сказал он. – По крайней мере, не в том порядке, к которому ты привыкла.

Девушка нервно сглотнула:

– Мы чем-то упоролись?

Кондор удивленно вскинул голову, потому что это слово тоже было чем-то иным. Не таким, чтобы понять его сразу.

В прошлый раз было так же. Иногда. Потом все привыкли.

– Мы напились вместе или что-то... посерьезнее употребляли? – повторила она, уловив его замешательство.

Взгляд снова стал пристальным и жадным, цепким, как пальцы слепого, изучающего незнакомый предмет. Она то ли пыталась вспомнить, кто такой Кондор и откуда он взялся, то ли любовалась им, запоминая черты лица. На секунду ее взгляд изменился, она сощурилась – видимо, разглядела его глаза. Вряд ли сам цвет, скорее, просто что-то такое заметила и опять удивилась.

Кондор наклонил голову набок, пытаясь вспомнить, как зовут его собеседницу, но имя почему-то не всплывало в памяти, словно его там и не было.

– Скажи, что мы ничего противозаконного не натворили, пожалуйста, – сказала она тихо. Слова дались ей с трудом.

– Ну, наверное, не натворили. По крайней мере, ты. По крайней мере – при мне, если тебя это успокоит. – Он нервно усмехнулся и снова очертил на столешнице круг, потом взялся за чашку, но до рта ее не донес. Потому что понял, что чужого имени в его голове быть не могло. – Подожди-ка! – Он чуть откинулся назад. – Кажется, мы так и не представились друг другу. А я и забыл об этом...

– Что? – выдохнула она.

Снова – со злостью.

Он подавил порыв устало закатить глаза и просто протянул ей руку, вставая и чуть подаваясь вперед:

– Зови меня Кондор, – сказал он.

Девушка улыбнулась, лукаво сощурившись. Кажется, нашла его прозвище забавным, и это было сильнее, чем ее раздражение. Хотя бы на миг.

– Алиса, – не моргнув глазом соврала она, пожимая его пальцы.

Рука у нее была горячее и чуть дрожала.

Кондор приподнял одну бровь и усмехнулся. Алиса, значит. Имя было не ее, оно ей... не подходило, как сшитое на другую девушку платье, слишком красивое и открытое, шире там, где нужно, с линией талии не на том месте. Окажись они оба случайными гостями в чьем-то доме или кем-то вроде того, знакомыми на пару часов, пожалуй, Кондор бы принял это имя – да хотя бы как попытку закрыться от чужака. Но ситуация, увы, была другой, и ему очень, очень нужно было знать, как зовут девушку на самом деле.

Потом она, если захочет, может назваться кем угодно и как угодно

Кондор перевернул ее ладонь, сделав вид, что рассматривает линии, пытаясь найти там что-то интересное, и осуждающе покачал головой.

– Врать нехорошо, Алиса, – сказал он с лукавой улыбкой.

– Да ладно? – не-Алиса выдернула из его пальцев свою ладонь и снова сердито свела брови.

– Твое право. – Кондор пожал плечами и сел. Пусть будет Алиса. Пока. – Я не твоя матушка. Захочешь – скажешь. – Он потянулся к чашке, посмотрел на нее и, наконец, решился перейти к главному. – Как ты заметила, милая, ты кое-чего не помнишь. К сожалению, пришлось так сделать, чтобы ты забыла небольшой отрезок времени, но...

– Накачал чем-то?

Она дернулась, как от чего-то отвратительного.

– Не знаю, что ты имеешь в виду. – Кондор снова пожал плечами. – Но, наверное, нет. Память вернется. Или я помогу ей вернуться. Ничего существенного. – Он хмыкнул раздраженно, потому что вопросов было слишком много, а времени оставалось все меньше. Тратить его на ерунду вроде объяснения того, почему она что-то не помнит, не хотелось. – Теперь к делу.

И замолчал.

Алиса все еще сидела на самом краю дивана, сцепив руки в замок и положив их на колени. Ей было страшно – снова страшно и куда страшнее, чем в самом начале. Потом, наверное, станет еще страшнее – когда она узнает всю правду, которую он намеревался – из самых благородных побуждений – сейчас от нее скрыть.

– На всякий случай напомню, что здесь тебе не причинят никакого вреда, – наконец сказал Кондор. – По крайней мере, пока ты не решишь настойчиво искать неприятности, – добавил он и понял, что не удержался от слишком мрачной улыбки. – Я сейчас не настроен на то, чтобы играть в дипломатию и смягчать новости, но так получилось, что ты перешла границу миров.

Она не сразу это осознала, конечно.

Ожидаемо.

– Что? – Алиса рассеянно моргнула. – Каких миров?

– Ну... – выдохнул он, не зная, что еще сказать. – Попала в другой мир. Эм... Иногда это называют «пройти сквозь грань»... – Кондор вздохнул и, скрестив руки на груди, посмотрел на потолок – темный, из резного дерева. На потолке, конечно, ничего написано не было, но вот отвлечься, подавить возникшее снова раздражение – совершенно лишнее и несправедливое по отношению к ни в чем не виноватой девушке – и выдать все, что нужно, это помогло. – Миров существует великое множество, и есть пути, по которым можно попасть из одного в другой. Законы путешествий находятся за пределами понимания современной магической науки, но иногда так получается, что волей Богов или случая кому-то удастся... хм, оказаться не в том месте и не в то время...

Она молчала, пока он говорил все это, и молчание становилось все тяжелее и тяжелее.

– Конечно. – Кондор усмехнулся. – Конечно, ты не веришь. Сейчас я покажу тебе карты и книги, ты удивишься и дрожащими руками будешь все это переворачивать и смотреть. – Он уже не пытался скрыть свою усталость. – Или подойдешь и откроешь окно, чтоб убедиться. Правда, сейчас ночь, и полюбоваться горами вряд ли получится, милая.

– Допустим, – сказала она осторожно.

Ему показалось, что она сейчас возьмет – и сорвется с места, схватив несчастный канделябр, на всякий случай – отбиваться от всяких там. Потом попытается выбить дверь, начнет кричать и звать кого-нибудь, или сделает еще что-то в том же духе – и будет совершенно права. Только вот все будет испорчено быстрее, чем он успеет еще раз применить к ней чары, чтобы успокоить и усадить на место.

– Впрочем, – сказал Кондор, решаясь на чары – уже другие, – у меня есть более действенный способ заставить тебя поверить.

Он спокойно улыбнулся и поднял одну руку перед собой, раскрывая ладонь.

Алиса даже испугаться не успела.

Если говорить о магии, то Кондор предпочитал обходиться безо всякой этой ерунды вроде искр и светящихся линий. По разным причинам. Начиная с того, что считал это все пустой тратой ресурса, который с некоторых пор привык беречь, и заканчивая чувством собственного превосходства над теми, кто без искр и сияния не умел видеть и контролировать собственные чары.

Но иногда без этого было не обойтись. К примеру, если речь шла о том, чтобы показать магию кому-то, кто, скорее всего, в нее не верит и не готов поверить, не увидев своими глазами нечто волшебное. Нестрашное и чудесное.

Над ладонью Кондора появились синие лепестки магического огня, ставшие цветком. Цветок этот раскрывался постепенно, менялся, как живой, похожий не то на лилию, не то на цветы какого-то из тех странных растений, которые росли далеко и не здесь. Потом огонь, подчиняясь воле, превратился в маленькую птицу – похожую на всех маленьких птиц одновременно.

Алиса, или как там ее по-настоящему, застыла с открытым ртом, завороженная и удивленная. Кондору показалось, что если бы она так не боялась, она бы попыталась подпрыгнуть, двинуться вперед, чтобы дотянуться до птицы, пронесшейся мимо. За ее коротким полетом с ладони вверх и к потолку, так что от каждого взмаха крыльев в воздухе оставалась висеть волшебная искрящаяся пыль, медленно осыпаящаяся вниз и тающая, не достигнув пола, Алиса наблюдала с той же жадностью, с которой не так давно рассматривала Кондора.

И с таким же восхищением.

Птица влетела в витраж и рассыпалась искрами.

Кондор сел, скрестив руки на груди и с чувством полного удовлетворения откинувшись на спинку стула. Он ждал, пока Алиса перестанет таращиться в пространство.

– Если уж и это выглядит неубедительно, – сказал он, – могу показать еще пару фокусов. Ну, отомри уже!

Она обернулась – с широко раскрытыми глазами, бледная как полотно.

– Итак, твое имя, милая?

За окном правда оказалась зимняя ночь – и горы.

Они были высокими, эти горы, высокими и острыми, как ряд хищных зубов на челюсти мертвого чудовища. Вверх к серебристым вершинам полз лес, я видела его темные силуэты, потому что небо здесь было полным ярких крупных звезд, складывающихся в незнакомые созвездия. А еще потому что над горными вершинами сияли сразу две луны – два широких серпа, похожих друг на друга, как близнецы. Одна из лун забралась высоко, вторая чуть отставала от нее, но света обеих было достаточно, чтобы увидеть и горы, и лес, и снег на каменной стене, окружающей замок, в котором я проснулась четверть часа назад.

Я дрожала, но не от холода, а от всего остального.

Это все остальное не помещалось в голове, как я ни старалась.

Я попросила Кондора, или как его там, еще раз показать мне фокус – он согласился, усмехнувшись. На его ладони, очень красивой, с длинными сильными пальцами, расцвел лепесток волшебного пламени.

– Можно? – спросила я и, когда мне кивнули в ответ, протянула руку – а потом смотрела, как волшебное пламя переползает на мои пальцы, окутывая их мерцающей перчаткой.

Больно не было. Не было жарко. Было щекотно, словно я передержала руку в неудобной позе, и теперь ее покалывало, кожа немела.

Я сжала ладонь в кулак – и расправила пальцы. Магия вытянулась вдоль моей кисти от запястья к ногтям, повторяя расположение костей. Кондор, до этого момента молча наблюдавший за мной, как за ребенком, играющим с опасным предметом, вновь по-птичьи наклонив голову, удивленно хмыкнул, взял меня за руку и осторожно согнул мои пальцы, закрывая ладонь в кулак.

– Играй аккуратнее, – сказал он со странной улыбкой.

Моя ладонь опустела. Я зачем-то украдкой вытерла ее о джинсы, шумно выдохнула воздух – и назвала свое имя.

Настоящее, не то, которым представлялась слишком назойливым незнакомцам в барах.

– Вот и славно, – сказал Кондор и отодвинул меня в сторону, чтобы закрыть окно. – Я рад, что мы это выяснили, Мари.

Он зачем-то выбрал эту форму имени, не знаю, может, здесь было так принято, может, он так услышал, а может...

Пока я решала, стоя у окна, вцепившись пальцами правой руки в запястье левой, Кондор вернулся к своему столу и сел на него. Последняя свеча медленно таяла, становясь ниже и ниже. Кондор задумчиво посмотрел на свечу и погасил ее, сжав огонек пальцами.

– Итак, на чем мы остановились? – спросил он у меня.

– На других мирах, – сказала я, поежившись.

И удивилась тому, как просто оказалось это произнести.

– Точно. – Кондор развернулся, нашел свою чашку с чаем и сцапал ее. – Так получается иногда, что люди оказываются не в то время и не в том месте. В твоём случае произошло чуть... иначе. Ты оказалась ровно там, где нужно, хотела ты сама того или нет.

Его движения сейчас были небрежными, нарочито ленивыми, а тон – будничным. Таким не о других мирах и чудесах рассказывают, а делятся новостями о соседях. О ерунде всякой будничной.

– В твоём случае, – сказал Кондор, – замешана воля божества. У нас их несколько, и...

– То есть я что, божественный посланник? – перебила я его.

Как смешно.

– Вроде того. – Волшебник хлебнул чаю. – Маленькая посланница многоликой богини. И, конечно, явилась в наш мир не просто так, а чтобы стать свидетелем неких важных событий, – в его тон проскользнуло немного ехидства, но тут же испарилось. – Ты – наблюдатель, – голос стал серьезнее. – Немного – жрица. Немного – носитель божественной воли. И наша гостья.

– Обалдеть, – сказала я, подумав, что встретиться мне эта богиня, я бы с удовольствием с ней поговорила.

Возможно, с использованием канделябра как решающего аргумента.

Или... Или – не знаю.

Кондор сощурился, чуть задрал подбородок.

– И еще – моя... подопечная.

– Спасибо, что не невеста, – я скрестила руки на груди.

Он устало вздохнул и словно хотел что-то сказать, но не стал.

– А если я попрошу вернуть все как было? – попыталась я.

– Будет примерно так же, как с дверью в коридор. – Кондор пожал плечами. – То есть не получится. Выход закрыт все той же божественной волей, откроется... допустим, через несколько месяцев. Или когда ты увидишь то, что должна увидеть и передать туда. – Он указал пальцем на потолок и поднял взгляд вверх. Шутливо. Словно всех этих богов и божественную волю в гробу видал и имел право демонстрировать это, не боясь ни молнии с небес, ни превращения во что-нибудь нехорошее. – Клянусь, милая, будь моя на то воля, я бы с радостью вернул тебя твоей матушке, а не оставлял бы здесь, но, увы, выбора у нас нет. – Он сделал глоток чая и криво улыбнулся. – Могу лишь обещать безопасность, развлечения и приятную компанию. И хорошее вознаграждение, которое ты сможешь забрать с собой. Золото – во всех мирах золото.

Потрясающе.

Моего согласия, конечно, предварительно никто не спрашивал.

– То, что я ничего не помню... Ой!

Я сощурилась и коснулась виска, потому что голова отозвалась острой болью.

– Следствие заклинания перехода, – ответил Кондор. – Оно... скажем, пытается уберечь тебя от слишком сильных впечатлений. Смягчает удар.

– Отлично смягчает, – с сарказмом ответила я.

– Мне жаль, – ответил он таким тоном, что было ясно – ему, в целом, все равно, и особого сочувствия к моей беде он не испытывает. – Через несколько дней память вернется, с моей помощью или без, а пока постарайся не думать об этом, иначе....

Я снова ойкнула, потому что не думать не получалось – и голова реагировала острым разрядом боли каждый раз, когда я пыталась вспомнить свой путь через темный двор. Образы

спутались, переплелись, превратились в мельтешение точек перед глазами, в белый шум, в снежный вихрь, от которого мир вокруг меня вдруг качнулся и поплыл.

Возможно, я бы упала, если бы меня не подхватили и не усадили на диван, стоящий рядом с письменным столом. Прохладные пальцы легли на виски, и головокружение тут же исчезло. Боль – тоже.

Взгляд, которым я одарила волшебника, ничего хорошего ему не сулил.

Кондор развел руками.

– Мне правда жаль, – сказал он куда убедительнее и сел рядом на расстоянии вытянутой руки, словно опасался, не наброшусь ли я на него.

Я не собиралась, хотя все еще сердилась. И чувствовала за это вину, потому что поймали меня вовремя и осторожно. Я сделала глубокий вдох, заставила себя перестать злобно щуриться и попыталась найти какую-то точку опоры. Успокоиться. Не трястись и как-то принять то, что произошло.

Получалось с трудом.

Я глубоко дышала и крепко сжимала кулаки.

Кондор внимательно следил за мной и молчал.

– И время там, с моей стороны, наверное, остановится? – спросила я, потому что от молчания и от острого взгляда мне было куда более неуютно, чем от мысли, что со мной случилось нечто... очень невероятное. – И не придется объяснять родным и полиции, куда я исчезла?

В моем универе вряд ли примут справку с подписью и печатью какого-нибудь местного короля, я не обольщалась. О том, что скажут родители, когда я вернусь как ни в чем не бывало после многих месяцев отсутствия, я не хотела думать. Из всех проблем, которые я им доставила, из всех моих неудач эта неудача, пожалуй, была самая эпичная. Даже если продать золото, то есть даже если его мне дадут, даже если я смогу продать его так, чтобы не остаться и без золота, и без денег там, в своем городе, в своем мире, мне все равно не нравилась эта идея.

Мне все не нравилось и с каждым вопросом не нравилось еще больше.

– Нет, почему же? – ответил Кондор после короткой паузы. – Время течет как раньше, насколько я знаю, но мир, отпустивший тебя, меняется. Сам заполняет белые пятна там, где ты была.

– А ты откуда знаешь? – я все-таки зло сощурилась и недоверчиво склонила голову.

– До тебя была парочка других. – Он скрестил руки на груди. – Куда более... сговорчивых, к слову. Мне не составило труда посмотреть, как у них дела, пока след был еще свежим. – Кондор заметил, как на моем лице зажглась надежда, и опередил мой вопрос: – Я смогу показать тебе твоих... родных. Если тебе это нужно. Но не сейчас. Сейчас, к сожалению, слишком поздно... или слишком рано, решай сама.

Он легко встал и подошел к одному из шкафов, ничего не объясняя, словно хотел показать, что разговор пора сворачивать. Пока он искал что-то в этом шкафу, я тупо смотрела в пространство, на стол, на две чашки, в одной из которых все еще был мой недопитый чай, пахнущий чабрецом, на кусок аметистовой друзы, который лежал поверх каких-то бумаг – желтоватых, с четкими строчками каллиграфического почерка. Я вытянула шею, пытаюсь разглядеть буквы, но расстояние было слишком большим.

– А язык? – спросила я.

– Магия перехода прекрасно справляется с языковым барьером, – отозвался Кондор, не оборачиваясь. – Читать ты тоже сможешь, хотя сначала это будет сложновато, так что советую поискать в библиотеке сказки.

– Здесь есть библиотека?

Где, кстати, здесь?

– Да. Увидишь. – Он обернулся ко мне и провел рукой по волосам точно так же, как совсем недавно. Словно убирал пряди со лба, хотя в этот раз, кажется, они ему не мешали. –

Здесь вообще много чего есть. Я рад, что мы перешли к более... эмм... насущным проблемам. Держи.

Кондор протянул мне красивый хрустальный флакон, похожий на винтажный флакон для духов. Маленький, длиною в ладонь. В нем была какая-то прозрачная штука.

Я подняла вопрошающий взгляд на Кондора.

– Это, – сказал он, – для спокойного сна и избавления от тревог. Тебе точно пригодится. Пара капель в стакан воды перед сном, и, пожалуйста, не стоит им злоупотреблять – при передозировке могут быть не самые приятные эффекты. – Маг ехидно усмехнулся и, вытащив пробку из другого флакона, выпил все, что в нем было, под конец не сдерживая гримасы отвращения. – А мне еще работать, – пояснил он, заметив мой взгляд. – Пойдем, провожу.

– Куда? – пискнула я, когда он схватил меня за плечо и потянул, заставляя встать и идти за ним.

– Спать, – ответил Кондор. – Завтра у тебя будет своя комната, милая, а пока... то, что есть.

– Подожди, – я перехватила его за запястье и остановилась.

Прямо у двери в коридор, соединяющий его кабинет и комнату, в которой я проснулась. На не самом удобном в мире диванчике.

Кондор, впрочем, не сильно сопротивлялся.

– М?

Мне хотелось задать тысячу вопросов, например, он-то сам тут причем, как выглядит портал, есть ли здесь эльфы и прочие существа, о которых писали в книгах, какой нынче год и что за эпоха, как называется страна, в которую я попала. Развита ли здесь медицина, не жгут ли ведьм, не попадают ли всякие глупые девицы в рабство, не жрут ли их драконы или кто похуже. И про богов расспросить заодно – вдруг явятся во сне, а я и не узнаю? Но тот, у кого я хотела это спросить, выглядел сейчас... не очень. Совсем не очень. Ему бы самому поспать, а не объяснять всяким там нервным барышням из других миров, что с ними произошло и как с этим жить. Поэтому я спросила лишь о том, что меня действительно тревожило.

– Важные события, – напомнила я. – Из-за которых тут были другие, а теперь есть я. Я надеюсь, это не война какая-нибудь?

Кондор с усталой полуулыбкой покачал головой:

– Нет, войны у нас нет. У нас... – Он замолчал, раздумывая, что мне сказать. – У нас есть принц. Но давай оставим это на тот случай, когда у нас будет чуть больше сил для важных разговоров, хорошо?

Я рассеянно кивнула и поняла, что тоже едва держусь на ногах от усталости.

– Вот и славно. – Кондор улыбнулся чуть шире и коснулся пальцами моего виска, словно хотел стереть с него какое-то пятнышко. – А теперь – спи.

И я не поняла, что произошло.

Может быть, я зря открыла ему свое имя, и теперь он обрел надо мной особую власть?

Так или иначе, один его приказ – и я заснула.

– ...и теперь мне интересно, можно ли считать сон на письменном столе высокопоставленного чиновника попыткой диверсии или государственной изменой? В конце концов, это создает некоторые помехи рабочему процессу. Доброе утро, Кондор. Очень рад тебя видеть и не хотел будить, но, к сожалению, ты мне мешаешь.

Кондор с трудом разлепил глаза и с не меньшим трудом поднял голову от стола, подперев ее рукой. Его высочество Антуан д'Альвело, кронпринц Иберии, стоял вполоборота у высокого окна, выходящего в сад, и держал в руке чашку, от которой на весь кабинет пахло кофе.

– Если ты чувствуешь себя так же, как выглядишь, – добавил кронпринц, лукаво улыбаясь, – то я искренне тебе сочувствую. Но ни сочувствие, ни даже, хм, твое особое положение в кругу моих подчиненных не заставят меня проявить милосердие и простить оккупацию моего стола.

– Сколько сейчас времени?

Кондор зевнул и спрятал лицо в ладонях, потому что холодный свет зимнего дня казался неприятно ярким.

– Столько, что я уже закончил обедать, – ответил его высочество, допивая кофе. – И собираюсь вернуться к делам, на которых ты, эм, спишь. Конечно, личных покоев во дворце у Мастера нет. Не заслужил.

Он сказал это почти обиженно.

– Дар...

– Что – «Дар»? – Принц подошел ближе и небрежно взял лежащую на углу стола газету. От мнимой обиды не осталось и следа. – Сбежал от светских хищниц, которые засели в засаде, стоило им узнать, что ты где-то поблизости? На твоём месте я бы уже разобрался со своими женщинами, а то дождешься: они столкнутся и уйдут вместе пить вино и продумывать планы мести мужскому равнодушию в твоём лице.

– Были бы мои, я бы разобрался, – отмахнулся Кондор.

Дар хмыкнул и кивнул, не отрываясь от газеты. Его взгляд быстро скользил по строкам и заголовкам, на лице не отражалось ничего, кроме спокойной доброжелательности. Иллюзия. Такой же обман, как мягкость кошачьей лапки, скрывающей острые, как крючья, когти в подушечках.

– Я прочитал твой доклад, – сказал принц, когда обоюдное молчание стало невыносимым. – Восхитительная теория, но правильно ли я понял, что пока нет никакой возможности показать результаты на практике?

– Пока нет. – Кондор лениво посматривал в сторону пустой чашки. Горечь кофе была менее омерзительна, чем приторное до тошноты зелье, которое он пил ночью, но попросить кофе у Дара – значит проиграть в их старой игре. – Как только появится, я тебе сообщу.

– Жду с нетерпением. – Принц приподнял одну бровь и хмыкнул, покачав головой. Видимо, какой-то новости все-таки удалось выбить его из обычного равновесия. – А теперь перейдем к тому, из-за чего ты здесь заснул. – Дар наконец посмотрел прямо на друга и тут же недовольно скривился и покачал головой. – Видел бы ты себя в зеркале...

– Не сомневайся – видел.

– Ну конечно! – Дар беспечно уселся в одно из кресел, стоящих перед столом, и сложил руки на коленях. – Расскажи про гостью, – попросил он, улыбаясь так светло, словно был мальчишкой, который выпрашивал у старшего брата законный подарок.

Кондор прикрыл глаза, пытаясь справиться с раздражением.

– То есть, – сказал он, криво улыбаясь, – тебя несколько не беспокоит некоторая, хм, несвоевременность?

Улыбка принца не погасла.

– Я помню, что это всегда можно списать на невозможность абсолютного познания законов древней магии. Именно так ты себя успокаиваешь. – Дар наклонил голову набок. – Я прав?

Кондор не стал ни отрицать, ни соглашаться.

– Феликс будет разочарован, – ответил он спокойно. Спорить о том, что сейчас важно, а что нет, не хотелось. – Остальные, думаю, тоже.

– Она глупа и дурна собой?

Дар изобразил разочарование, так же похожее на настоящее, как его недавняя обида.

Пришлось на минуту задуматься, пока утомленный разум искал наиболее точную фразу.

– Она обычная, – сказал Кондор. – Маленькая. Колючая, как любой подросток. Иногда язвит в ответ, иногда дрожит от страха, хотя старается не показывать это. Меня порадовало внешнее спокойствие. И умение выбирать хорошие вопросы. Я думаю, самой страшной проблемой будет то, что для планов и идей Феликса она окажется слишком скучной и тихой. Но это даже к лучшему.

Кондор хотел добавить, что, может быть, в этот раз вообще лучше обойтись без Феликса и лишнего внимания, но не стал.

Дар задумался, глядя куда-то в сторону.

– Ты не любишь моего брата.

– Не люблю. И не собираюсь это скрывать.

Принц кивнул, принимая ответ.

– Просто помни, что вы с ним на одной стороне шахматной доски.

Кондор снова усмехнулся – на этот раз криво, приподняв один уголок губ.

– Я всегда это помню, Ваше Высочество. Даже когда дело касается бхартского порошка и прочих неприятностей, последствия которых я убирал.

Дар сощурился, отчего темно-карие глаза стали почти черными.

– Иди спать, маг.

– Но...

– Ближайшее зеркало в коридоре. Думаю, ты вряд ли встретишь здесь кого-то, кроме моего секретаря и пары посетителей, так что назойливое женское внимание тебе точно не грозит.

Кондор невозмутимо развел руками, мол, попробуй меня отсюда вытащи.

– Дай мне еще полчаса, Дар. Выпей еще кофе, не знаю... – Он задумался на секунду. – Прочитай служебную записку от представителя Ковена, она очень эмоциональная... Я постарался. – Кондор попытался улыбнуться, но столкнулся с холодным взглядом принца, поэтому улыбка получилась натянутая. – А потом мы с тобой решим, как нам дальше быть. С... гостьей и всем тем, что вокруг нее творится.

Принц больше не улыбался.

– Иди спать и выспись по-человечески. Это приказ. Мой. Личный.

– Да неужели ты готов отправить меня на плаху за желание не спать, а работать?

Дар рассмеялся в ответ и вполне серьезно кивнул.

Лисы, призраки и люди

И наконец, заметив вас, возлежащего на ветке дерева, восклицает «Ох!» и начинает на вас нахально пялиться.

Анджей Сапковский, «Золотой полдень»

Он сидел в кресле напротив, забравшись в него с ногами, и смотрел на меня, как кот на аквариум. То есть с подчеркнутым, полным достоинства спокойствием, за которым угадывалось что-то такое, тайное и хитрое, хищное, способное в любой момент превратиться в движение.

Я моргнула.

Мир вокруг никуда не исчез. Не поплыл, не сдвинулся, не изменился. Мир был прочным, как железный прут, и таким же реальным, и рыжий парень в кресле однозначно был его частью, тоже реальной. Реальной была трубка в его руке, которую он лениво держал между пальцев и периодически вертел ею. От скуки, наверное.

Наши взгляды встретились, и он, увидев, что я уже не сплю, довольно сощурился и улыбнулся.

Я уткнулась лицом в подушку, которую обнимала, пока спала здесь, на неудобной до ужаса не то кушетке, не то диване, не знаю, как это называется, и зажмурилась так сильно, что заболели глаза.

– О нет, красавица! – Чужой голос звучал насмешливо и ласково одновременно. – Меня ты не обманешь.

Пришлось сесть, поджав одну ногу, потому что вторая затекла от неудобной позы, и посмотреть правде в глаза. Глаза оказались зелеными, с хитрым разрезом и такими ресницами, что впору удавиться от зависти. Подушку я оставила при себе, отгородившись ею, как мягким щитом.

Значит, мне не приснилось.

– Что предпочтет леди в это славное утро? – спросил он. – Сначала ванну и новое платье, а потом завтрак или наоборот?

За вежливостью сквозила еле заметная насмешка – словно меня не воспринимали всерьез, но из всех сил пытались проявить дружелюбие.

Я молчала, продолжая рассматривать его самого и его рубашку – светлую, с лентами, стягивающими рукава на запястьях, и узор вышивки, бегущий по краю темной жилетки, и пряди рыжих, как лисья шерсть, волос, небрежно рассыпавшихся по плечам.

– Предлагаю сначала ванну, – сощурился он, тонко улыбаясь. Трубка легла на низкий столик рядом с креслом. – Я провожу.

Он плавно встал, словно перетек из одной позы в другую, одним движением преодолев расстояние между нами, и оказался так близко, что я почувствовала себя зажатой в угол. Мне протянули руку – раскрытой ладонью вверх, как незнакомой кошке. Запястье обхватывала пара цветных шнурков, но вот колец или каких-то других украшений я не разглядела.

«Ванна, – подумала я. – Ванна – это хорошо. Наверное. И завтрак – тоже хорошо. И в целом все хорошо, видишь, все такие милые». Только это не помешало мне шмыгнуть носом и расплакаться, уткнувшись в подушку, потому что все было по-настоящему.

И по-настоящему пугало, каким бы красивым ни было и как бы ни улыбалось.

Вокруг застыла тишина, почти осязаемая, словно этот человек, который то ли был оставлен присматривать за мной, то ли просто жил здесь, не сразу понял, что произошло. Потом он вздохнул, и я услышала шелест одежды, уловила движение воздуха – и подняла голову, смахивая слезы со щек.

– П-п-простите, я...

– Не стоит извиняться, – он больше не улыбался и смотрел на меня серьезно и почти хмуро, сидя на корточках перед диваном, так что наши лица оказались друг напротив друга.

Очень близко – я могла разглядеть узор на его радужке, темно-зеленой, как сочная трава.

– Пойдем. – Он медленно и осторожно взял меня за руку. – Я думаю, что комната уже готова. Ты умоешься, поешь. А потом я покажу тебе все и все объясню.

Я закивала, смагивая слезы.

– Вы... – сказала я сначала хрипло, так что пришлось откашляться. – Вы все здесь... забываете называть имена? Или это особая традиция?

– Ах да! – Он выпрямился и дернул головой, откидывая мешавшую ему прядь. И сощурился. – Меня зовут Ренар. А как зовут тебя, милая?

Если бы я сказала, что никогда не верила в магию и не желала, чтобы со мной случилось что-нибудь такое вот, я бы соврала.

Мне всегда хотелось, чтобы в мире существовало что-то чудесно-волшебное, пусть даже оно не касалось меня напрямую и происходило с другими. С теми, про кого я читала. За приключениями кого следила, глядя в экран. Кем управляла в игре. Я читала истории о других мирах, потому что мне это нравилось. Они очаровывали, давали надежду, что чудесное и волшебное действительно есть где-нибудь. И, может быть, однажды и я получу весточку из такого мира, передо мной откроется нужная дверь, и окажется, что я потерянная принцесса, будущая великая волшебница или что-то в этом духе.

Неплохой способ слегка подправить серую реальность, но, к сожалению, некоторые мечты сбываются не так, как ты того хочешь. Или не вовремя.

Это не я выросла из сказок – к радости своих родителей. Это сказки однажды выбросили меня, как волны оставляют на песке обломки, водоросли и мертвых рыб.

А сейчас, кажется, начался прилив. И если уж мне выпал этот шанс, то почему бы и нет?

Язвительный внутренний голос подсказывал, что главное – не утонуть.

Я шла вслед за Ренаром по коридорам и сквозь комнаты, вверх по лестницам и мимо картин и тусклых зеркал и думала про себя, что, может быть, вот сейчас и здесь все, о чем я читала, о чем слышала, во что верила – все, наконец, пригодится мне. Может быть, какие-то законы совпадут. Может быть, это было не зря, и я, сама того не зная, готовилась к чему-то чудесному. Может быть, может быть, может быть...

Предположим, может быть все что угодно. Нужно только понять, по каким правилам мы играем и что здесь с сюжетом.

Ренар болтал без умолку. Он перекинул мой рюкзак через плечо, легко подхватил куртку и вел меня за собой, крепко держа за руку, словно я намеревалась сбежать. Его болтовня была бессодержательной – просто поток фраз, ласковый тон, не сходящая с губ улыбка, уже другая, открытая и честная. Так улыбаются детям и уговаривают их, уводя подальше от опасности, от чего-то, чего им видеть не должно, знать о чем не нужно и куда не стоит лезть.

Он съел Алису, не моргнув и глазом, и не стал упрекать меня во лжи. Из-за этого я почувствовала укол совести. Вот идет рядом парень, красивый, как мечта, и сама любезность, несет мои вещи, только что слезы мне с носа смахивал, на лице – предельная честность, в глазах – забота, в голосе – тепло, а ты, дурочка, врешь ему в мелочах?

Только кто их здесь разберет, местных красавчиков? Вчерашний мне имени не открыл, отделился прозвищем. У этого имя тоже на имя не похоже, оно лисье, и волосы у него рыжие, и взгляд хитрый, так что побуду Алисой, пока можно. Вот узнаю, что здесь с именами творится, и решу, что говорить, а что нет.

Мы остановились у темных дверей в конце коридора. Красивых таких дверей, тяжелых, с резным узором и металлическим кольцом.

Ренар замялся, протянул руку к кольцу, но не сразу решился постучать. Он переступил с ноги на ногу, фыркнул, сбрасывая с лица прядь. Мне даже показалось, что посмотрел через плечо, не следит ли за нами кто из-за угла, но нет – мы были одни. Казалось, он специально медлит, как плохой ученик перед дверью в класс, когда не готов.

Удар металла о металл прозвучал громко.

Кто бы ни находился с той стороны, он точно это услышал, и дверь открылась сама по себе, словно этот стук потревожил некий механизм внутри нее, медленный и неповоротливый, заедающий на ровном месте.

Я вздрогнула и не успела отследить, когда меня схватили за руку и буквально втащили внутрь, в большой светлый зал. Здесь было теплее, чем в коридорах, еле заметно пахло хвоей и дымом. Сквозь два больших окна с мелкими квадратными стеклышками на пол падали яркие солнечные лучи. За окнами угадывались горы и лес, но я не всматривалась. Пока.

Дверь за моей спиной захлопнулась – быстро и громко.

Ренар крепче перехватил мою руку и сказал в пространство, ни к кому не обращаясь – или обращаясь к кому-то, кто мог оказаться где угодно в этой комнате или в одной из смежных комнат:

– Мы здесь.

– Я вижу, – ответили тихо и недовольно.

Я повернулась на голос.

Мне кажется, я должна была ее заметить – высокую женщину в темном платье, стоящую справа от нас, слишком уж ее стройная фигура выделялась сейчас на фоне светлой стены. Но нет, то ли я была невнимательна, то ли сама эта женщина появилась здесь в тот момент, когда ее позвали, из воздуха ли или из тайной двери. Она зацепилась за меня взглядом и подошла ближе, не глядя по сторонам. Кресло, стол – все, что попадалось ей на пути, она ловко огибала, словно знала расположение предметов в комнате наизусть.

– Я вижу, – повторила она. Тонкие губы растянулись в совершенно правильной улыбке. – И рада видеть.

Женщина приложила руку к груди слева и коротко поклонилась.

– Добро пожаловать, миледи.

Я растерялась, конечно, потому что леди из нас двоих сейчас напоминала точно не я.

– Это Сильвия, – сказал Ренар, потому что сама Сильвия, кажется, не торопилась представляться – она просто на меня смотрела. По-доброму, но сверху вниз. – Она здесь... за главную.

Сильвия не удостоила его и взглядом. Только кончик губ с той стороны, где он стоял, дернулся, словно улыбка, предназначенная мне, попыталась уступить место другой улыбке, возможно – не слишком доброй. Ренар, кажется, уловил это.

– Оставлю вас, – торопливо сказал он. – Встретимся в зале у камина, милая... Алиса, – добавил он уже от двери, когда я на него все-таки посмотрела.

– Алиса? – переспросила Сильвия.

Ее темные глаза сощурились.

Я кивнула и по привычке потерла запястье под резинкой рукава.

Не знаю, как бы повела себя любая другая девушка на моем месте. Кто-то бы точно плакал, и я бы это поняла. Сложно не заплакать и не захотеть спрятаться, когда жизнь делает такой вот кульбит. Кто-то бы, наверное, был рад до щенячьего визга – это я бы тоже поняла, потому что сложно не радоваться, к примеру, трем просторным комнатам, заполненным красивой мебелью и всякими безделушками, с окнами, выходящими на горы и лес – сказочный зимний пейзаж. Или не менее просторной ванной, в ней окно было одно, его украшал витраж со спящим под яблоней единорогом. Или платье, которое ждало тебя на кровати, такой широкой, что можно было бы спать поперек нее. Или камину напротив – в нем уютно горел огонь. На каминной полочке стояли свечи на серебряном блюде и букет из сухоцвета и рябины.

Кто-то бы наверняка злился. Я бы тоже поняла.

Я же смотрела на все эти кресла, свечи, гобелены, на платье, разложенное поверх вышитого золотом покрывала, и думала, что наличие в замке вроде этого водопровода с горячей водой, конечно, сложно объяснить, но мне определенно нравится. Пусть даже горячая вода идет из одного крана, а холодная из другого – переживу. Бледно-голубое платье, на которое мне предстояло сменить джинсы, к счастью, было простым, без всяких там изысков, но казалось совершенно чужим. Еще под него нужно было надевать тонкую белую рубашку, но и это тоже можно было пережить.

Там, где должны были быть радость, печаль или гнев, я нащупывала, как дырку от выпавшего зуба, странную пустоту и смятение. Я не чувствовала ничего, словно не знала, что мне следует чувствовать, и это незнание замыкалось само на себе.

Точнее, нет, кое-что я все-таки чувствовала и очень отчетливо.

Голод.

Поэтому я быстро сцапала платье и спряталась в ванной комнате за ширмой, пока Сильвия, вышедшая куда-то, не предложила мне помощь. Какую угодно.

Мне нужно было несколько минут побыть одной и все-таки понять, что со мной происходит.

Сквозь витраж в купальню проникали солнечные лучи и рассыпались цветными пятнами на охристо-бежевом полу. Из крана в большую ванную, которую, похоже, выточили из камен-

ной глыбы, все еще капала вода. Пахло лавандой и еще какими-то травами, было чуть прохладно и очень тихо, только капли ударялись о камень, и я пыхла, шелестя тканью.

Платье село хорошо, и влезть в него оказалось куда проще, чем я предполагала.

С чувствами, увы, номер так просто не прошел.

– Потерянные и попавшие в особые обстоятельства несчастные женщины способны на многие безрассудства, – сказал Ренар. Он сидел напротив, закинув ногу на ногу. – Так что я восхищен вашим самообладанием, миледи. Аппетитом, впрочем, тоже, – добавил он с усмешкой в голосе. – Не бойтесь, что они отравлены или заколдованы?

Я оторвалась от методичного уничтожения бутербродов и чая и укоризненно посмотрела на собеседника. Издевается?

Вроде бы нет.

– Даже если бы и боялась, – ответила я резковато, – есть я хочу больше.

Он рассмеялся и с улыбкой покачал головой.

Вокруг нас был огромный зал, мрачноватый из-за темного деревянного потолка. С потолка свисала люстра, сделанная из оленьих рогов, ниши с окнами плотно закрывали темно-зеленые тяжелые шторы – из-за них на пол и стены падали узкие пятна света, розоватого, потому что там, за окнами, начинался закат. В камине могла бы поместиться моя кровать – та, другая, из другого мира. Или туша какого-нибудь оленя – одного из тех, чьи рога пошли на люстру. Сам камин был сделан из потемневшего от времени и копоти камня и изображал ствол дерева, вырастающего из пола и упирающегося ветвями в потолок – эти ветви продолжались фресками на стенах, на них сидели нарисованные птицы, по ним бежали белки и кто-то еще. Листья дерева были желто-зеленые, то ли ранняя осень, то ли позднее лето.

Вся мебель ограничивалась несколькими креслами и низким столиком, жавшимися к камину, да парой стульев у дальней стены.

Здесь, рядом с огнем, в круге, очерченном отблесками пламени, я чувствовала себя странно – почти в безопасности, насколько я вообще могла чувствовать себя в безопасности здесь и сейчас. Но вокруг было большое, темное, пустое пространство. Неуютное и сумрачное. Мне казалось, что оттуда, из этого пространства, кто-то наблюдает за мной точно так же, как человек напротив – лениво, доброжелательно, но очень, очень пристально.

Я дернула плечами. Это все стресс. Нервы расшалились.

– Раз уж мы познакомились, привыкли к виду друг друга и выяснили, кого из нас как зовут, я предлагаю уточнить наши роли и прикинуть план дальнейших действий, – сказал Ренар, чуть двинувшись в кресле.

Видимо, ему надоело смотреть, как я молча ем.

Я допила чай одним глотком и поставила поднос на столик.

– Хорошая идея, – сказала я. – Мы на «ты» или на «вы»?

Мой голос, кажется, звучал хрипло.

– А как леди будет угодно?

Горы за окнами назывались Бергрэнзе.

В свете дня они были все такими же острыми и высокими, с блестящими шапками ледников на вершинах. В ледниках рождались реки, быстрые и такие холодные, что пальцы сводило, когда подносишь руку к их воде. Реки бежали вниз, прорезая путь сквозь лес и скалы, падали с утесов, рождали озера и сливались в другие реки, тихие и спокойные, и вдоль них рядом с широким руслом вырастали богатые города. Но все это было уже там, внизу.

А здесь, среди густых лесов, рядом с вершинами, на которых снег не тает даже в разгар лета, города были маленькими и прятались друг от друга в горных долинах. Их жители пасли скот, добывали золото, драгоценные камни и еще что-то, за что платили и золотом, и драгоценными камнями.

– Если бы у нас были драконы, – сказал Ренар с хитрым прищуром. – Они бы гнездились здесь. Но драконов, увы, давно нет. Они слишком тяжелы для нашего неба.

Я не знала, что это значит – “слишком тяжелы для неба”, но решила, что подумаю об этом как-нибудь потом.

– Горы БергрENZE отделяют земли королевства Иберия от иных земель. Альманди, Галлинхейм, Гельветика... Вряд ли тебе сейчас это что-то скажет. Но ты – здесь. – Он поерзал в кресле, видимо, пытаясь сесть поудобнее, и вытянул ноги вперед. – С этой стороны гор. В гостях у нашего короля.

Мне показалось, что это должно было значить что-то такое. Особенное. Слишком уж значительной была пауза после.

– Занятно, – сказала я, дернув бровью. – И почему же я с этой стороны гор и чем так нужна вашему королю?

Ухмылка Ренара стала шире, а взгляд, направленный на меня, острее, словно бы вопрос, который я задала, оказался вдруг чертовски правильным вопросом.

– Нашему королю, – сказал Ренар вкрадчиво, чуть подавшись ко мне, словно собирался открыть какую-то тайну, – нашему королю и его советникам кажется большой честью принимать у себя посланницу многоликой богини. Тем более что храм, в котором богиня оставила зеркало, находится с этой стороны гор.

– Зеркало? – переспросила я с нервным смешком.

– Зеркало, – кивнул Ренар. – Разве Птица не сказал?

Я покачала головой. Ночной разговор я помнила хорошо, круги под глазами собеседника – тоже, так что не удивлюсь, если выяснится еще парочка деталей. Более точных, но вряд ли важных.

– Он не уточнил, как выглядит проход между мирами, – сказала я. – Но пусть будет зеркало. Я все равно не помню.

Пока я надевала платье и пыталась привести волосы в порядок, я нащупала на затылке шишку, очень болючую. То ли я ударилась головой, то ли меня по ней ударили, но каких-то других последствий, кроме потери памяти, пока не наблюдалось.

– Значит, – продолжила я, – вам повезло, и этот ваш храм этой вашей богини оказался на ваших землях.

– Можно сказать, что повезло, – снова усмехнулся Ренар. – Или можно сказать, что не повезло. Если верить всяким сказкам, посланники богов бывают вестниками не самых хороших вещей. Но так или иначе... – Он встал с кресла, почти перетек из одной позы в другую, и поправил воротник рубашки. Его кожа была чуть смуглой, несмотря на зиму, и белоснежная ткань это подчеркивала. – Ты здесь. И пока господин маг не вернулся, мне нужно присмотреть за тобой и не дать тебе тосковать. Собственно, это и есть моя роль в истории, – вздохнул он. – А теперь, если леди не против, я хочу предложить ей увлекательную прогулку по зачарованному замку, спрятанному в горных лесах, – сказал Ренар, сделав большие глаза, как взрослый, который рассказывает ребенку страшную сказку.

– Вот как, – сказала я, подыгрывая. – Зачарованному, значит.

Ответом мне стала такая улыбка, что впору было вспомнить и про слабость в коленях, и про бабочек в животе, и про то, что встречи с потусторонними красавчиками во всяких там книгах ничем хорошим для девиц не заканчиваются. Ну, в моем понимании.

– Здесь много темных углов, – сказал Ренар, – в которых, как верят впечатлительные служанки, обитают призраки. И старинных зеркал, – добавил он. – Через которые, как говорят, шастает всякая нечисть.

Он замолчал и с хитрой серьезностью посмотрел на меня, ожидая реакции.

– А тут есть призраки? – продолжила игру я. – Пока что я их не встречала.

Ренар улыбнулся самодовольно, чуть задрав подбородок.

– Вот и проверим, – подмигнул он и подошел чуть ближе, протягивая мне руку.

«Жаться по углам и креслам можно сколько угодно, – подумала я, дотрагиваясь до теплой и сухой ладони. – Но раз уж волшебная зазеркальная страна предлагает мне что-то вроде увеселительной прогулки, пожалуй, стоит воспользоваться предложением, пока оно действует».

Спрашивать, что за роль в истории отведена мне, я не решилась.

Быть спасительницей не слишком хотелось. Волшебные силы, которые, как пишут в книгах, обычно полагались каждому путешественнику в другие миры, не торопились себя проявить. О том, что я – какая-нибудь потерянная принцесса, тоже никто пока не заикался.

Буду надеяться, что вестник бед и несчастий для местного короля из меня получится так себе.

– Прошу, миледи, – Ренар открыл передо мной низкую дверцу и поклонился, словно дверца вела не на скрытую в стене каменную лестницу, а минимум в королевскую сокровищницу.

Я моргнула и замерла, выставив руку с фонарем вперед. Выщербленные ступеньки загибались винтом, уходя вверх как тайный лаз.

– А нам точно надо? – неуверенно спросила я.

Фонарь с волшебным кристаллом – оказалось, здесь используют их вместо свечей, – оттягивал руку приятной тяжестью. Солнце уже закатилось за горный хребет, оставив мир в серосизых сумерках. Я успела увидеть осколок заката сквозь широкие окна в оружейном зале, просторном помещении, на стенах которого висело оружие и портреты каких-то незнакомых мне людей с оружием и без. Примерно там же Ренар нырнул в еле заметную дверь в стене и вышел из нее уже с двумя фонарями, очень красивыми, больше похожими на клетки для диковинных птичек. Один из этих фонарей я теперь сжимала в руке и испытывала по этому поводу странную гордость.

Впрочем, пока мы не дошли до лестницы, фонари были не слишком нужны – во всех коридорах все те же кристаллы зажигались, стоило кому-то из нас щелкнуть пальцами, и гасли, когда мы закрывали очередную дверь или переступали порог.

Сначала я пугалась и вздрагивала, потому что внезапная темнота за спиной напоминала о том чувстве чужого взгляда в спину, которое не оставляло меня в каминном зале. Потом привыкла.

– Леди же хотела призраков? – хитро сощурился Ренар. – А где им еще обитать, как не на чердаке?

Про подвалы он говорил ровно то же самое, но в подвалах не оказалось ничего, кроме гулкой пустоты и каких-то ящичков. Возможно, призраки обитали где-то в их глубине, куда мне идти не захотелось, потому что в подземелье замка было холодно.

Здесь – тоже. Выданное мне платье не было слишком уж плотным, оно оставляло ключицы и шею открытыми, и холодок, которым повеяло из-за распахнутой двери, заставил меня поежиться. Я выдохнула, подхватила подол, потому что, как выяснилось, на лестницах он мешал, и шагнула вперед, пригнувшись, чтобы не удариться головой о ступени, бегущие вверх.

Стена, которой я касалась рукой, чтобы было удобнее идти, и правда была ледяной. Видимо, с той стороны за этой стеной начиналась зима и холод.

– Вверху будет люк, – донесся голос Ренара, который не торопился идти за мной. Мне показалось, что я уловила что-то похожее на тревогу. – Смело толкай его и выбирайся. Я догоню тебя!

Я не ответила, сосредоточенно переступая со ступеньки на ступеньку, словно стремилась сбежать и от своего спутника, и от своих мыслей, и от себя самой. Тесное пространство лестницы, будто выдолбленной в стене, пугало меня, и я уже пожалела, что решилась на этот шаг, потому что никакие призраки, конечно, были мне не нужны – я пыталась отвлечься, не более.

Всеми вопросами, которые я сегодня задала, всеми шутками, на которые ответила, всеми странными решениями, которые приняла, я пыталась закрыться от главного.

От мысли, что привычный ход моей жизни нарушен, я в другом мире, он осязаем, он пахнет дымом, пылью, морозом, вишневым табаком из трубки моего нового знакомого, чем-то вкусным с кухни, на которую мы не зашли, чтобы не отвлекать слуг от дел, свечным воском, сырым подвалом и еще много чем. То есть предельно реален, протяни руку – и дотронешься.

И что с этим всем делать – все еще непонятно.

Моя макушка уперлась в препятствие, я протянула руку и толкнула – люк правда поддался почти легко. Насколько легко могла поддаться нетяжелая дверь из плотно подогнанных кусков дерева.

– Нашла! – крикнула я вниз и, приложив усилие, открыла эту новую дверь – и почувствовала все тот же холод.

Люк скрипнул и с неприятным грохотом упал, открыв проход в просторное помещение. Путаясь в юбках, я почти выползла с лестницы, осторожно поднялась на ноги – голова слегка кружилась – и попыталась осмотреться.

Свет кристалла выхватывал из темноты то темные балки, то кусок белой стены, то какие-то доски, то еще одну лестницу – деревянную, жмущуюся к стене, с крепкими на вид перилами. Лестница уходила на второй ярус, неширокий балкончик, а потом еще выше – и упиралась в потолок.

Здесь было холодно настолько, что пар вылетал изо рта.

– Ну что? – раздалось сзади. – Моя торопливая леди успела поймать призрака?

Я обернулась. Фонарь Ренара остался на лестнице – я видела лишь отблески света из открытого люка, а парень вдруг оказался очень близко, почти вынырнул из полумрака – сам похожий на призрака. Очень нахального и обаятельного. Это было так неожиданно, что я отступила на шаг назад.

Ренар рассмеялся и поднял взгляд к потолку:

– Нам еще выше, – сказал он, указывая пальцем на лестницу. – Но прежде нужно кое-что сделать.

И он шагнул вперед, почти скользнул за мою спину, только чудом не задев меня плечом. Насколько близко, что я снова уловила запах вишневого табака и дыма.

За моей спиной было то, что я сначала приняла за закрытое окно. Оказалось, что деревянные ставни скрывали нишу, не очень глубокую, отделанную изнутри все тем же деревом. В нише хранились какие-то ящички, мотки веревки, пара фонарей, свечи – всякая бытовая ерунда, наверное, очень нужная на чердаке какого-нибудь замка. Ренар выудил оттуда плащ и набросил его мне на плечи. Ткань была грубой и тяжелой, пахла пылью, как любая вещь, которая долго пролежала взаперти. Она еще не успела согреться, но так или иначе мне стало теплее.

Не только из-за плаща.

– Так лучше, – сказал Ренар, продевая пуговицу на воротнике в предназначенную ей петлю.

Это заняло у него какое-то время, и все это время я стояла, замерев столбом, потому что чужие пальцы были слишком близко, а чужое дыхание, очень теплое, коснулось моих волос.

Ренар закончил с пуговицей, провел ладонью по плащу, словно хотел смахнуть с него пыль или ворсинки, невидимые мне, и протянул руку:

– Давай сюда фонарь, – сказал он как ни в чем не бывало.

– А? – откликнулась я.

– Фонарь, – повторил Ренар. – Я понесу.

Я пару раз зажмурилась, прогоняя наваждение, и повела плечами, пытаясь избавиться от ступора.

– Конечно, – сказала я. – Фонарь. Держи. А разве тебе не холодно?

В нише больше ничего, похожего на плащ, не наблюдалось.

– Переживу, – фыркнул Ренар, беспечно махнув фонарем. Будь в нем свеча, пожалуй, она бы погасла, но желто-оранжевый кристалл размером с кулак и сияющий, как тусклая электрическая лампочка, даже не мигнул. – Идем.

Деревянные ступени чуть скрипнули. Я высунула руку из-под плаща, чтобы вцепиться в перила, и осторожно поползла вверх вслед за своим рыжеволосым проводником, не слишком задумываясь, куда и зачем он меня ведет. Другой рукой приходилось теперь придерживать целых два подولا, чтобы не запутаться в них и не полететь кубарем вниз.

«Интересный метод избавиться от всяких нежелательных гостей, конечно», – подумала я.

Ренар тем временем ловко забрался наверх и протянул мне руку, помогая вылезти из очередного люка – в этот раз дверь в полу была тяжелой, металлической. Урони я ее неловко, пожалуй, грохот распугал бы всех оставшихся в этой башне призраков. Если они были.

Эта комната, круглая и совершенно пустая, оказалась меньше той, что осталась внизу, и еще холоднее. Сводчатый потолок уходил вверх, из его центра свисала цепь с фонарем раза в два больше того, что стоял сейчас на полу.

Прежде чем я поняла, где нахожусь, Ренар сдвинул в сторону засов и открыл то, что я сначала приняла за узкую дверь. Одну из четырех.

Точнее, технически это и была дверь, а не окно, и вела она на узкий балкончик, опоясывающий башню.

Самую ее верхушку, купол, окна которого выходили на четыре стороны света. И в том, которое сейчас открыто, я могла увидеть кровавый отблеск закатного солнца на восхитительно чистых небесах.

Ледяной воздух ворвался внутрь вместе с запахом зимы.

Ренар взял меня за руку и потянул за собой, но я уперлась обеими ногами и замотала головой.

– Что такое, милая? – ласково – действительно ласково, а не с издевательским притворством, поинтересовался он. Я зажмурилась и не ответила, и, кажется, он понял. – Боишься высоты? Чего же ты не сказала? – голос стал более вкрадчивым.

Теплая и тяжелая рука легла мне на плечи и потянула вперед.

– Со мной не бойся ничего... – начал Ренар все тем же ласковым голосом, успокаивающим и убаюкивающим.

Я уперлась ладонью ему в грудь и вывернулась из объятий.

Не люблю прикосновения, особенно, чужие и внезапные.

И когда меня так навязчиво очаровывают, я тоже не люблю, будь ты хоть трижды прекрасен, как небеса и все яркие звезды на них.

– Я боюсь не высоты, – сказала я, хмуро сведя брови. Руки я скрестила на груди, хотя под плащом, наверное, это было не слишком заметно. – А вдруг ты меня с этой башни скинешь?

Он удивленно замер, даже, кажется, на пару секунд задержал дыхание, так и застыв с вытянутой рукой. Тонкая рубашка здесь, в крошечной комнате с окном, распахнутым в ледяную бездну, смотрелась выпендрежно и смешно, но Ренар, кажется, не чувствовал холода. Он посмотрел на меня иначе – в полумраке я не могла различить все черты его лица, но заметила, как что-то изменилось. Он не хмурился, нет, наоборот – словно слетела какая-то маска, мешавшая ему все это время. Ренар наклонил голову чуть набок и, наконец, рассмеялся, уперев руки в бока.

Я не ожидала такого. Продолжения игры в доброго парня, которому жалко бедную девочку, вспышки гнева или язвительного замечания в мою сторону, смертельной обиды – чего-то такого, притворного или неприятного, но нет, я получила совершенно искренний смех. Поэтому и застыла, как дура, поджав губы, не зная, что мне делать и как себя вести.

И мне резко захотелось извиниться, но извинений у меня никто так и не попросил.

Ренар еще раз фыркнул, видимо, выражая отношение к глупостям в голове у некоторых девочек, с серьезным видом надел мне на голову капюшон плаща и приглашающе махнул в сторону выхода на балкон.

– Вот и проверим.

Улыбка его была лукавой.

Если я чего и боялась, то точно не высоты, поэтому смело шагнула вперед, только ойкнула, когда порыв ветра ударил по щеке, царапнув снежной крошкой. Холодное железо перил жгло не хуже огня – я удостоверилась в этом, по дурости коснувшись их голой рукой.

Вокруг, сколько хватало зрения, виднелись горы и лес, лес и горы, отблески заката на ледниках, переливы глубокой синевы, нежно-лилового и кораллово-красного в небе. Оно оказалось ясным, ни облачка, крупные звезды сияли на нем, но в воздухе будто бы висела ледяная взвесь, крошечные острые иглы. Я вдыхала этот воздух ртом и носом, потому что мне было его мало.

Ренар осторожно тронул меня за плечо и повел за собой вбок по узкому, в половину шага, балкону, который действительно опоясывал башню. Слева от меня оказалась каменная стена, а чуть выше начинался металлический купол, на который налипла корка льда. Мелкие тонкие сосульки свисали с его края, как кристаллы в перевернутой короне.

Я не боялась высоты, но шла медленно, потому что голова кружилась – и от этого воздуха, и от холода, кусающего за нос, уши и щеки, несмотря на плотный капюшон, и от бескрайнего неба вокруг.

Это было слишком красиво.

Ренар остановился, беспечно облокотившись на перила, словно под ним не было бездны, а вокруг стоял май месяц, самое время рубашки с жилетами выгуливать.

Человек он вообще или как?

Я моргнула, решив, что подумаю об этом чуть позже, когда пойму, кто тут вообще есть, кроме людей.

Над самым горизонтом висела луна – огромная, ярко-желтая, перешедшая во вторую четверть несколько дней назад, она была окружена контуром морозного гало.

– А где вторая? – спросила я.

– М? – Ренар вскинул голову, словно я отвлекла его от каких-то невероятно важных мыслей. Лунные тени чуть изменили черты его лица, сделали острее и глубже, выбелили кожу. – А, вторая луна? Еще не взошла. Она у нас любит отставать и потом гонится за сестрой по небу.

– Вот как... – пробормотала я.

Ренар пожал плечами, окинул меня взглядом и улыбнулся.

– Не замерзла, милая? – спросил он.

Его пальцы лежали на перилах так, словно холодный металл не обжигал его.

– Хотела то же самое спросить у тебя, – ответила я.

– За меня тебе не стоит беспокоиться, – рассмеялся Ренар и позвал меня, подманивая рукой: – Иди сюда.

Вот как. Щас, бегу и падаю.

Хотя, пожалуй, падать здесь я очень не хочу.

Я вытянула шею, робко выглядывая за перила, и поняла, что не надо туда смотреть. Слишком высоко. Слишком длинная стена уходит вниз, и слишком острыми выглядят макушки елок где-то там, под ногами. Лунный свет выхватывал их силуэты из темной лесной массы и заставлял снег, налипший на ветки, почти сиять.

– Подойди, не бойся, – повторил Ренар ласково.

Я все-таки подошла, старательно выдерживая дистанцию в полшага.

И поняла, что прямо под нами находятся ворота замка, от которых убегает вниз по склону высокого и крутого холма дорога. Света луны и звезд было достаточно, чтобы разглядеть, как она змеится сквозь лес, уходя куда-то дальше и дальше, и теряется там.

– Эта дорога ведет отсюда, но мы не почти не пользуемся ею, – сказал Ренар. Слова его вылетали изо рта вместе с облачком пара – точно не призрак, призраки, вроде бы, не дышат, как и мертвецы. – Замок заколдован и дороги вокруг него – тоже. А вон там, – он махнул рукой левее, где виднелось круглое пятно озера, похожее на блестящую монетку. – Вон там есть город, с которым эта дорога когда-то соединялась. Не обольщайся, – добавил он. – В горах расстояние кажется меньше, чем на самом деле.

– Я знаю, – обиженно сказала я.

– Вот и славно. – Он снова улыбнулся и отвел взгляд в сторону того самого города, шурясь, словно надеялся его все-таки разглядеть. – Пойдем. Солнце село, думаю, ужин уже готов.

Мы обошли башню по кругу. С каждой стороны, насколько хватало взгляда, я видела только зимний лес. Зимний лес и высокие горы.

Если у меня и были мысли сбежать отсюда, чтобы найти союзников и волшебных помощников, как и полагается героине фэнтезийного романа, я оставила их. Боюсь, при таком раскладе все бы закончилось быстрее и печальнее, чем в книжках. Так что придется доставлять неприятности королю как-то иначе.

К концу дня я знала некоторое количество важных вещей.

Мир, в который я попала, был и правда похож на мой родной мир, однако история здесь шла иначе. Я оказалась в условной Европе, на континенте, который называется Латиерра. Почти всю северо-западную часть Латиерры занимало Иберийское королевство и его вассальные земли – владения того короля, чьей гостьей я отныне считалась.

На юге, где на нашей карте находились Испания и Португалия, здесь значилось королевство Аглавер, союзник Иберии, а место Италии, сапожок которой сросся с сушей, стерев с

карты Адриатическое море и из полуострова превратившись в монолитную часть материка, заняла Каэрия – королевство эльдар, эльфов, точнее – княжества каэрийских князей, маленькие и не очень. Горы БергрENZE, на которые я смотрела из окон и с балкончика на Башне, на юге доходили до владений некоего князя Ирро – там на их склонах рос виноград, из которого делали безумно дорогое вино. Эльдар держались обособленно, но дружелюбно.

За БергрENZE были еще страны, множество новых названий, которые я пообещала себе запомнить рано или поздно.

Как и все имена и титулы его величества Антуана из Арли, короля Иберии и властителя Южной Англии, Маревельда и... и чего-то там еще.

За пределы БергрENZE его власть не распространялась. Там были свои короли и князья.

В замке имелась библиотека, большая и очень странная, похожая на склад букинистического магазина.

Я могла приходить в нее, когда мне хочется, и пытаться найти в хаосе книг на полках что-то полезное для себя или просто интересное. «Главное, – сказал Ренар, вычищая трубку над тем самым огромным камином в огромном зале, – не упади со стремянки, пока тянешься к знаниям».

Еще в замке было множество пустых комнат с зеркалами на стенах, тайных дверей, ведущих в маленькие коридоры, витражей на окнах, фигурок животных на полочках над каминами, венков из веточек, колосьев и рябины, светильников, фонарей и пустых канделябров.

– И все-таки, – сказала я, расправляя очередную складку на юбке – не столько из надобности, сколько из желания унять нервную дрожь. Быть настырной я не умела. – Башни, горы и библиотека это здорово, но... Зачем я нужна вашему королю?

Ренар, все еще стоящий у камина, на секунду замер, поднял на меня взгляд, словно я застала его врасплох, и ухмыльнулся.

– Видишь ли, милая, – сказал он, разглядывая трубку, достаточно ли она чистая, – двери в другие миры не открываются просто так. Если наша богиня прислала кого-то последить за нами, значит, на то есть причины, пусть мы их не всегда видим. Если начальство приходит с проверкой, – хмыкнул Ренар, – лучше показать себя с выгодной стороны.

Я скептически изогнула бровь, но шутить про одно там произведение из школьной программы не решилась.

– Мало ли, что нас ждет, раз ты здесь. – Ренар посмотрел на меня и подмигнул. Он снял с крючка, торчащего из стены рядом с камином, металлический прут вроде кочерги и пошевелил угли. – Какие испытания ты принесешь с собой.

– Был же кто-то до меня...

– Был, – кивнул он, не оборачиваясь. – Были и давно, и не слишком давно. Портрет рыжей женщины в оружейной помнишь?

Я кивнула, потому что именно перед этим портретом я застыла, рассматривая деву-рыцаря на фоне пламенеющих небес. Художник зачем-то решил снять с нее шлем, и тугие кольца огненно-рыжих волос рассыпались по плечам, одетым в доспех. Удивительно нелогично, если я хоть что-то понимаю в доспехах, но завораживало невероятно. Леди с портрета, кажется, следила за тобой, когда ты заходил в зал, губы ее изгибались в торжествующей полуулыбке, лезвие клинка сияло, как осколок зеркала.

– Она пришла во времена Великой Войны, – сказал Ренар. – И помогла правителям Латинерры завершить ее. Та война была... скажем, не короля с королем, а королей с... не слишком хорошими людьми. Такие войны меняют мир и все в этом мире.

Я снова нашла на юбке складку и старательно ее расправила.

– Но спешу тебя обрадовать, милая. – Ренар закончил издеваться над углями и вернулся в кресло рядом со мной. – После Красной леди все было тихо. Насколько может быть тихо

в мире вообще. Я надеюсь, ты продолжишь эту добрую традицию, – добавил он с ласковой улыбкой и, взяв со столика чашку чая, поднял ее, как бокал с вином. – За это я и выпью.

Он действительно выпил чай за несколько глотков.

– Я ответил на твой вопрос?

– Да, – сказала я, с сомнением поглядывая в сторону второй чашки. – А те... две, кажется, которые были здесь до меня?.. Ты их знал?

Я бросила на Ренара взгляд, пытаясь уловить, как он воспримет этот вопрос.

Ренар спокойно кивнул.

– Они были... милые, – сказал он. Фарфоровое доньшко чашки тихо стукнуло о блюдо. – И совершенно не похожи ни друг на друга, ни на тебя. Если ты не против, я расскажу тебе о них в другой раз.

Он встал, оттолкнувшись ладонями о подлокотники кресла.

Я удивленно вскинула голову.

– М?

– Поздний час, – пояснил Ренар. – Наша строгая смотрительница довольно принципиальна там, где дело касается времени сна. Если ты не будешь чай, то я провожу тебя до твоих дверей.

В паре шагов от входа в комнату, которая теперь называлась моей, Ренар остановился, словно задумался, надо ему туда или нет. Он бросил взгляд на двери, на горевший над ними фонарь с кристаллом, откашлялся и повернулся ко мне.

– И вот мы здесь, миледи, – сказал он, щурясь и с какой-то странной хитростью наклоняя голову набок. – И, пожалуй, здесь мы и расстанемся. Спасибо за чудесный вечер.

– Тебе спасибо, – ответила я, чуть смущаясь, и спросила с легким ехидством: – А что, ваша смотрительница так же принципиальна и касательно посещения покоев леди на ночь глядя? И линейкой отмеряет расстояние, на которое к леди разрешено приближаться?

Ренар улыбнулся.

– Скорее, я просто не горю желанием сейчас с ней сталкиваться, – сказал он. – У нас специфические отношения. Скоро все поймешь. – Он снова протянул мне руку ладонью вверх, как незнакомой кошке. – Доброй ночи?

– Доброй, – протянула я руку в ответ. – Ой!

Я надеялась на рукопожатие, но вместо этого получила легкий поцелуй в тыльную сторону запястья – и улыбку, от которой хотелось провалиться сквозь землю.

Все так же улыбаясь, Ренар отпустил мою руку и ушел в глубину коридора, оставив меня в смятении.

Дверь легко поддалась, когда я потянула за ручку на себя.

Комната встретила прохладным полумраком, только в дальнем углу сиял настенный светильник, и тускло тлели угли внутри камина. Шелест юбки звучал почти громозвучно, такая здесь стояла тишина. Я медленно осмотрелась, прислушиваясь, нет ли кого из слуг – и вдруг осознала, что за весь день, за те несколько часов, которые я провела в огромном замке, я не встретила никого, кроме Ренара и Сильвии.

То есть кто-то работал на кухне, конечно, я слышала через дверь какие-то звуки, чувствовала запахи, но мы не зашли туда.

Мои обеденные сэндвичи, наш общий ужин и чай я находила уже готовыми в комнате, откуда никто не выходил.

Твою ж мать.

Я прикрыла глаза, прикусив губу, и постаралась найти рациональное объяснение этому. Много ли я, в конце концов, видела слуг? Может быть, в особенно благородных домах слуги умеют быть незаметными?

Как призраки.

– Доброго вечера, – раздался голос за спиной.

Я могла поклясться, что я не слышала ни шагов, ни звука открывающейся двери, ни шелеста ткани, ни чужого дыхания – вообще ничего.

Сильвия опять вышла из ниоткуда, тихо, словно все время была здесь, рядом.

Я открыла глаза и обернулась, чувствуя, как меня бросило в жар, а в ногах появилась слабость.

– И вам тоже, – прохрипела я.

Губы Сильвии растянулись в улыбке. Она стояла за моей спиной, держа в руках подсвечник с тремя еще не зажженными свечами. На плечах у нее лежала шаль, темные волосы были перехвачены лентой у самой шеи. Та строгая дама, собранная, прямая, которую я видела днем, кажется, готовилась уйти спать.

– Рада видеть, что вы в добром здравии, – сказала Сильвия, улыбаясь чуть шире – зубов ее улыбка не открывала. – Не хотела нарушать ваш покой, но, кажется, в течение дня мы обе были слишком заняты даже для важных разговоров.

Она сказала это вежливо, но я почувствовала укор. Направленный, правда, не на меня.

– Я зашла провести вас, – продолжила Сильвия. Она шагнула чуть в сторону к какому-то комоду у стены и поставила на него подсвечник. – И принесла свечи, если они понадобятся. Если у вас есть вопросы или пожелания, то я здесь.

– Я... Я не знаю, – выпалила я.

– Со временем разберетесь. – Улыбка Сильвии стала почти теплой, насколько я могла судить в полумраке. Она щелкнула пальцами, и кристаллы в люстре, свисающей с потолка, вспыхнули – в первый момент я даже зажмурилась. – Действие и усилие воли зажигают волшебные кристаллы. Щелчок пальцами или хлопок. Волшебником для этого быть не обязательно, – Сильвия посмотрела на меня.

В свете кристаллов она казалась самой обыкновенной женщиной что-то около тридцати лет: тонкий нос, острый взгляд, хрупкие пальцы держат шаль на груди, чтобы та не распахнулась. Ничего призрачного. Может, и правда просто очень тихо ходит. Или знает пару тайных дверей и коридоров между стенами. Такое, вроде бы, тоже бывает, если дело касается замков и особняков.

Она снова щелкнула пальцами еще раз, и все кристаллы, кроме того, что на стене, опять погасли.

– Сначала будет сложновато, – сказала Сильвия. – Потом все получится. Спите завтра столько, сколько считаете нужным, миледи, вас никто не потревожит. Но я очень прошу вас не выходить за пределы покоев ночью.

Серьезно?

– Призраки или собаки? – спросила я.

– Вы видели здесь собак? – ответила она.

Кажется, ехидно, но не зло.

Я покачала головой. Сильвия улыбнулась, в этот раз показав зубы, белые и, кажется, немного мелковатые.

– Просто не очень хотелось бы, чтобы вы потерялись в темных коридорах, миледи, – сказала она. – Здесь есть где заблудиться и чего испугаться и без призраков. В остальном вы можете делать все, что захотите.

– Совсем все? – уточнила я.

– Все, что не принесет вам серьезного вреда, конечно, и не поставит в опасное положение вас или других обитателей замка. – Сильвия открыла верхний ящик комода, у которого стояла, и посмотрела в него. – Свечи, огниво и прочие нужные вещи здесь, – добавила она, удовлетворенно хмыкнув, и снова посмотрела в мою сторону. – Если я понадобится – зовите.

– Как?

– Просто. По имени. – Она дернула плечом, словно я задала глупый вопрос, и прошла – почти проплыла – мимо меня к дверям, ведущим в коридор. – Я услышу и приду. Магия, миледи, творит удивительные чудеса. К этому вы тоже привыкнете. Доброй ночи и сладких снов. – Она почти повернула дверную ручку, но вдруг спохватилась. – Ах да! Если боитесь призраков или кого-то еще, вот здесь есть засов, – она указала на широкую полосу металла. – Теперь точно доброй ночи. Спите сладко.

Она перехватила мой взгляд и кивнула, ласково улыбаясь.

Дверной замок тихо щелкнул, и я осталась одна.

Первым делом я, конечно, закрыла дверь на засов, а потом проверила все темные углы, все шкафы, ниши и двери, которые могла найти, посмотрела за все шторы и под всеми кроватями, креслами, диванами и комодами. Просто так, на всякий случай. Точно так же на всякий случай я сняла с одной из полок маленькую, но довольно тяжелую декоративную тарелочку.

Не то чтобы я всерьез думала, что смогу кого-то ударить, но тяжелый предмет в руке как-то улучшал самочувствие.

Потом я просто брякнулась на пол рядом с камином, скрестив ноги, и, подперев щеки ладонями, задумалась, глядя, как переливаются всполохи оранжевого на черном.

Десятилетняя я, та девочка, которая ныряла в платяные шкафы, чтобы проверить, не окажется ли в них дверца, ведущая в зимний лес, наверное, ликовала. Тринадцатилетняя, которая верила, что правильный трамвай в правильное время отвезет тебя в правильное место, саркастически хмыкала, мол, а она говорила, что рано или поздно, так или иначе. Пятнадцатилетняя – в черном платье с кружевами – помахивала дешевой колодой Таро, купленной на сэкономленные на обедах деньги.

Они все улыбались мне, двадцатилетней, сидящей на полу странного замка посреди леса в чужом мире.

Мне, дурной девице, которой бы сейчас прыгать от радости и учиться правильно щелкать пальцами на магические светильники.

Мне, с которой наконец случилось что-то чудесное и волшебное. И, кажется, даже не совсем злое.

По крайней мере, никто не пытался запереть меня в башне, принести в жертву, сдать темному магу на опыты, сожрать или затащить под венец, или... что там еще случается с незадачливыми попаданками? Я не слишком верила в абсолютную искренность доброго отношения ко мне со стороны местных жителей, с которыми провела этот день, но три комнаты? Ванная? Платье? Миледи то, миледи это, не желаешь ли прогуляться, милая?

Пока рациональная часть меня, которая привыкла не верить ни в удачу, ни в успех, пыталась паниковать, потому что ей чудился подвох, все остальное, что когда-то было и все еще оставалось мной, вопило от радости.

Моя мама сказала бы, что это очень безрассудное поведение.

Я стряхнула с себя эту мысль и очень безрассудно пошла за сигаретами и зажигалкой.

Потому что если у меня теперь есть собственная ванна, в которой можно проваляться три часа и мне никто слова не скажет, я не прошу себе, если не поваляюсь в ней с сигаретой в зубах. Будем считать, что вред от этого процесса – незначительный.

В ванной комнате было тепло.

Поблескивая в тусклом свете волшебных кристаллов, спал в саду единорог.

Густое, похожее на мед мыло, пахнущее травами и лавандой, неплохо пенилось.

Я шагнула в воду. Сигарету я сжимала в зубах – чтобы не упала, зажигалка была в руке – тяжелый прямоугольник из металла.

Все шло по плану, и вечер обещал закончиться хорошо, но в тот момент, когда я уже открыла крышку и готовилась чиркнуть колесиком и поднести зажигалку к лицу, через большое зеркало, стоящее у стены, вышел мой знакомый маг, слегка растрепанный и очень, очень торопливый. Он шагнул вперед, зачем-то оглянувшись на свое отражение, словно бы вслед за ним из зеркала могло появиться еще что-то, пригладил волосы рукой и увидел меня.

Удивление оказалось взаимным.

Сигарету я спасти успела, но вот зажигалка выскользнула из рук и, громко булькнув, скрылась где-то под слоем пены.

– Доброго вечера, – сказала я, подрагивающими пальцами держа сигарету.

Что напугало меня больше – то, что волшебник здесь появился, или то, как именно он появился, я, признаюсь, затруднялась определить.

В любом случае, кажется, он сам был не рад.

Кондор моргнул, будто бы от этого я могла исчезнуть, но я не исчезла. Удивление на его лице сменилось хмурой сосредоточенностью. Он посмотрел на зеркало, дотронулся до рамы, словно проверял, все ли с нею так, нахмурился еще сильнее и повернул голову в мою сторону.

– Доброго вечера, Мари, – спокойно сказал Кондор и, кивнув мне, сделал шаг ближе к стене, но подальше от меня. Взгляд он тоже отвел. – Прошу прощения за столь, хм, неожиданное вторжение.

Маг рассматривал то свечу, которую я поставила на пол, то окно с единорогом, то что-то еще в комнате, но не меня. Я тем временем нащупала ногой утонувшую зажигалку. Открытую, конечно, крышку-то я не успела захлопнуть.

– Все в порядке, – сказала я, выгибаясь, чтобы дотянуться до нее.

Острые края впились мне в ладонь.

Мне очень хотелось, чтобы маг просто взял – и ушел, можно даже без извинений, только бы не заставлял меня хотеть провалиться на пару этажей вниз вместе с ванной.

Как я завтра буду смотреть ему в глаза – я старалась не думать, потому что тут же начинала краснеть и смеяться.

Кондор снова пригладил волосы, проведя по ним пальцами так, словно пытался откинуть мешающие пряди со лба, и вдруг посмотрел прямо на меня – и сощурился, наклонив голову набок. Под этим его взглядом, едким и пристальным, я чуть снова не выронила то, что с таким трудом пыталась выудить из мыльной воды.

– И что ты там не видел? – процедила я сквозь зубы, а потом поняла – еще до того, как он ответил.

– У тебя... что-то на плече, – сказал Кондор вкрадчиво и нарисовал пальцем в воздухе то, что у меня на плече было.

Точнее, не совсем на плече, но да, все верно – звезда в круге, прямая пентаграмма.

Очень надеюсь, что за татуировки здесь не сжигают на костре. И не делают что-то не менее плохое.

Мое смущение куда-то резко испарилось, осталось только легкое раздражение человека, которого отвлекали от важного занятия какой-то ерундой.

– Под ключицей, – поправила я, стараясь высечь огонь. Он, конечно, не высекался. Колесико шелкало, но, кажется, «Зиппо» все. Придется разбирать и проверять. Очень обидно.

Исподтишка я следила за магом – так, на всякий случай.

– Не столь важно где, – ответил Кондор, снова отводя глаза в сторону. – Но это все объясняет.

– Что объясняет? – я вскинула голову, оторвав печальный взгляд от зажигалки.

– Почему моя метка сбилась. – Он прислонился к стене и посмотрел на витраж, тяжело вздохнув. – Еще раз прошу прощения, Мари. – Наши взгляды встретились. Я ожидала встретить насмешку, хищное любопытство или что-то похожее на это, но наткнулась на настороженность и внезапное для меня смущение. Кондор улыбнулся, и эта улыбка тоже получилась какой-то извиняющейся. Выглядел он заметно лучше, чем в тот раз, по крайней мере, уже не напоминал восставшее умертвие. И синяки под глазами исчезли. – У тебя все в порядке?

– Не жалуюсь, – ответила я, все еще не понимая, что происходит.

– Вот и славно. – Кондор приложил ладонь к груди и наклонил голову – такой вежливый жест, напоминающий одновременно и приветствие, и прощание, и просто выражение хорошего отношения. – Приятно провести время.

Он резковато развернулся и пошел в сторону двери.

Я посмотрела на зажигалку в своей руке, на свечу, которая стояла слишком далеко, чтобы мне хотелось к ней тянуться, и вдруг порядочно осмелела.

– Кондор, стой!

Он остановился уже рядом с дверью, готовясь ее толкнуть, и обернулся ко мне, удивленно приподняв брови. Я потрясла бесполезной зажигалкой в воздухе.

– Ты же маг, – сказала я, пытаясь сдержать улыбку. – А мне нужно...

Он бросил взгляд на свечу, понял, в чем дело, быстрее, чем я могла объяснить, и, самодовольно ухмыльнувшись, шелкнул пальцами. На кончике сигареты вспыхнуло пламя.

Мое удивленное «спасибо» ударило в закрытую дверь.

Я облокотилась на бортик ванной, положила голову на скрещенные руки и затянулась сигаретой, а после этого, выдохнув дым, с головой ушла под воду.

...И тут же чуть не подскочила, потому что ступня попала как раз в поток горячей воды. И обидно, и от самой себя смешно.

Почти как намек, что нужно быть осторожнее и осмотрительнее.

Шутки про призраков перестали быть смешными, когда я обнаружила всю одежду, которую оставила за ширмой в ванной комнате, на кровати. И платье, и белье, и даже мои носки были чистыми, пахли травами и чем-то еще.

Придерживая одной рукой полотенце на груди, я взяла во вторую руку то самое тяжелое блюдо и, дрожа уже не от холода, а от паники, еще раз обошла все углы.

И угол за ширмой тоже.

Он был пустым. Две деревянные полочки, на которые меня просили складывать одежду, тоже были пусты. Никакой потайной двери или окошка, через которое кто-то мог бы проникнуть сюда, я не нашла, и от этого стало еще страшнее.

Засов на двери был задвинут.

Я прижалась спиной к стене, ощутив лопатками, кажется, все ниточки на гобелене и прохладу камня, которую он прятал, и попыталась выровнять дыхание.

Видимо, некоторые чародеи проходят сквозь стены или...

Без «или». В спальне, в углу рядом с окном, стояло еще одно зеркало. Вот и ответ.

С остальным я разберусь завтра. Обязательно. Приставлю канделябр к горлу того, кого поймаю первым, и все узнаю. Переберу все книги в библиотеке – должны же здесь быть энциклопедии и учебники? Начну без стеснения спрашивать обо всем, что кажется мне подозрительным или непонятным.

А сегодня посплю с тяжелым предметом под подушкой.

Зажигалка, к моей печали, все еще не работала. Я положила ее в открытом виде на маленький столик, стоящий сбоку от кровати. На этом же столике откуда-то взялся флакон – тот самый, который дал мне Кондор, посоветовав использовать его содержимое, если буду плохо спать. Предусмотрительный, надо же. Я скептически хмыкнула, но все-таки щелкнула металлическим рычажком, который держал на месте крышку, и принялась.

Валериана, анис и что-то еще.

«Может быть, – подумала я, возвращая закрытый флакон на место, – там и нет никакой магии – только травы».

Но пока я не хочу рисковать.

Тем более что сильнее, чем запах аниса, я терпеть не могла только лакрицу.

Ночная сорочка, которая лежала тут же, рядом с моими чистыми и подлатанными на коленях джинсами, оказалась длиной до колена и без всех этих ужасных воланов и кружев, которые я успела себе навоображать. «Если и нижнее белье здесь окажется нормальным, – подумала я, проводя рукой по прохладной ткани наволочки, – то, пожалуй, можно будет совсем расслабиться. И попробовать получить удовольствие».

Третий щелчок пальцев заставил кристаллы мигнуть и погаснуть.

Комната погрузилась в темноту.

Я лежала в ней, свернувшись под одеялом, спрятавшись в нем с головой на самом краю огромной кровати, и прислушивалась к мягкой, как вата, тишине.

Ни шагов, ни шума машин, ни голосов с улицы – ни даже завываний ветра.

Ни мышей, скребущихся в стенах и за гобеленами, ни кошек, следящих за мышами, ни собак.

Даже угли в камине вели себя тихо.

Странное место.

В полутемном баре было уютно и тепло.

Я любила приходить туда вечером в будни после учебы ради вишневого пива, картофельных шариков с сыром и одного из барменов.

Одной из.

В тот вечер ее ловкие пальцы мешали колоду Таро – ту самую, старую, которую я принесла, чтобы был повод поговорить.

Наверное, мне хотелось говорить хоть с кем-то, и эта девушка, рыжая, как октябрь, с короткой стрижкой, обнажающей скулы и татуировку-лотос на шее сзади, была прекрасным собеседником. Или слушателем, если мне хотелось выговориться.

Должно быть, у барменов это профессиональное, но я хотела верить, что когда она улыбалась мне – она улыбалась по-особенному и только мне.

– Тяни три, – приказала она, протянув мне веер колоды, и улыбнулась растерянно. – Давно я такого не делала.

Между коктейлем и кофе я вытащила себе три карты – по одной на прошлое, настоящее и будущее, и рыжая женщина с лотосом на шее, с ловкими руками, которые бывают у барменов, музыкантов и волшебников, сказала мне, что я есть.

Повешенный означал, что я запуталась и застряла – и я правда чувствовала себя так, словно вишу вниз головой, а мир вокруг смеется и ускользает из-под контроля.

Смерть, рыцарь на бледном коне, несла перемены и рядом с Повешенным читалась как освобождение от пут.

Иногда это освобождение сопровождалось падением и ударом о землю, предупредили меня. Больно, но лучше так, чем вечно болтаться ногами вверх.

Последней картой выпал Маг. Первый аркан.

– Возьми жизнь в свои руки, – рассмеялась девушка с лотосом на шее. – И твори свою волю, потому что больше ничего не остается. А мне пора, золотце. – Она собрала карты вместе, сложила в картонную коробку и вернула мне. – Еще встретимся.

Через две недели после этого закончились мои первые отношения – достаточно долгие для того, чтобы на что-то надеяться, слишком неясные, чтобы надежды могли оправдаться. Они истлели, сгнили, как неубранный урожай к концу дождливого октября. Я перестала висеть вниз головой, но, кажется, ударились о землю так больно, что провалилась в царство теней – и блуждала в нем, пряча себя настоящую от всех, кто со мной говорил, и от себя самой.

Через месяц я проснулась от кошмара в огромной темной комнате, на незнакомой мне постели, большой, холодной, и не сразу поняла, где я нахожусь и что произошло. Я плакала во сне – и не помнила, что мне снилось, что-то плохое, что-то из прошлого, что-то, где за мной гнались и почти догоняли.

Флакончик с волшебным зельем, который вручил мне знакомый маг, больше не вызывал никаких сомнений. Я сделала глоток неприятно-сладкого чего-то, отдающего микстурой, перевернулась на другой бок и смотрела в темноту, пока глаза сами не закрылись.

С той стороны стекла

План приставить канделябр к чьему-нибудь горлу и узнать все, что нужно, успешно провалился: с утра я уже не была столь смелой и злой, как думала о себе вечером. Сильвия, явившаяся на мой зов так быстро, словно ходила сквозь стены, с ласковой насмешкой посоветовала мне искать знания там, где их должно искать.

То есть в библиотеке.

И вот я оказалась здесь, среди шкафов и старых книг.

Было прохладно и тихо, очень светло и так же пыльно.

А еще у меня обнаружились ровно две проблемы с доступом к знаниям.

Для начала от заклинания, которое давало возможность читать на незнакомом языке, кружилась голова, стоило открыть книгу и коснуться взглядом строк. Это было... печально и очень затрудняло поиск, потому что мне то и дело приходилось садиться на стул, на ступеньку стремянки или даже на пол и пытаться дышать, не чихая то и дело от пыли.

Вторая проблема была серьезнее – я не знала, что мне искать. Где искать и как – я тоже не знала. Кем бы ни был владелец замковой библиотеки, он, кажется, не интересовался ею и не следил за ней. Книги словно сложили сюда просто, чтобы сложить, и так и оставили.

Конечно, здесь не лежала пыль слоем толщиной с палец, не свисала лохмотьями паутина, не было дохлых мышей, засохших мух, плесени и прочих радостей жизни. Но от всех этих полок, пустых мест на них и стопок рядом со стеллажами я чувствовала себя так, словно застряла посреди деталей головоломки, которую не могу собрать.

Географические атласы соседствовали с рецептами зелий, кулинарные книги – с заметками и воспоминаниями путешественников и первооткрывателей, исторические трактаты – с трактатами по медицине, полными не самых приятных гравюр. Я нашла девятый том некой “Истории мира для девиц, в десяти с половиной томах”, но как ни пыталась разглядеть среди сотен корешков, обложек, среди цветных, белых, золотистых и даже узорчатых обзоров остальные тома или хотя бы первый, увы, они словно провалились куда-то.

Если вообще существовали, в чем я начала сомневаться, как и в существовании владельца библиотеки. Точнее, того, кто был бы к ней неравнодушен. Следил бы за ней. Дополнял. Разбирал. Избавлялся от лишнего.

Разочарованно вздохнув, я прислонилась к стене – и чуть не подпрыгнула, увидев напротив себя силуэт.

Чертово зеркало.

Оно пряталось в нише между стеллажей, в тени, само по себе темное, широкое, похожее на тайную дверь. Можно было подумать, что это проход в соседнее помещение, из которого за мной кто-то наблюдал.

Другая версия меня.

Когда сердце снова стало биться ровно, я вернулась к книгам.

Правда, ненадолго.

– Доброе утро, Мари.

Я вздрогнула и обернулась с раскрытой книгой в руках – огромным тяжелым томом, озаглавленным «Ars Magica».

В отличие от большей части книг по магии, которые попадались мне, этот был хотя бы не на латыни.

На латынь заклинание чтения не распространялось, а мои собственные знания ограничивались терминами, тремя пословицами и призывом выпить.

Кондор стоял рядом с той самой нишей, в которой пряталось зеркало, расслабленно привалившись плечом к одной из полок. Он был спокоен, как человек, который выпался и потому чувствует себя готовым к любым неприятностям. Только черная одежда делала его как-то особенному худым и бледным, еще более худым и бледным, чем я запомнила.

Я захлопнула книгу и прижала ее к груди, словно попыталась отгородиться, и застыла, сжав губы, потому что не знала, что сказать. Чувствовала я себя как школьница, которую поймали за курением или рассматриванием похабных картинок в журнале.

Взгляд Кондора скользнул по моей фигуре, задержавшись на книге. Волшебник прочитал название, и на его лице появилась на миг кривоватая улыбка. Он шагнул вперед, к столу, который стоял у окна.

– У тебя такой вид, словно ты что-то натворила, и я собираюсь тебя отчитывать, – сказал он и сел боком на один из стульев, а потом кивнул мне на второй. – Но нет. Сядь, пожалуйста.

Я послушно кивнула и, стараясь не двигаться слишком резко, села. «Ars Magica» легла на стол между нами – я просто не подумала вернуть ее туда, где взяла. Я натянула рукава толстовки на ладони и поежилась.

Мы сидели рядом с окном, сквозь мелкие стекла в библиотеку проникал холодный зимний свет. Кондор не то нахмурился, не то сощурился, а я заметила, что глаза у него какие-то странно светлые, и тут же смущенно уставилась на неровный книжный край.

Рассматривать людей так пристально, конечно, это невежливо.

Особенно, когда при этом начинаешь краснеть и выдаешь себя с головой.

Кондор, кажется, воспринял это все чуть иначе.

– Не трясись так, словно я тебя сожру, – насмешливо сказал он. – Для начала я пришел извиниться.

Я удивленно посмотрела на него. Он же приложил правую ладонь к груди, наклонил голову, словно кланялся мне, как вчера, и по-доброму улыбнулся. То есть совсем по-доброму. Не так, как должен был бы улыбаться самоуверенный красавчик барышне, к которой накануне зашел в не самый подходящий момент.

– Хорошо, – сказала я хрипло. – Извинения приняты.

Наверное, получилось сухо, но слова застревали у меня в горле.

Кондор моргнул. Улыбка исчезла, уступив место серьезному и хмурому выражению. Он вздохнул, кажется, с сожалением и протянул руку к книге. Красивые длинные пальцы осторожно коснулись края обложки.

– Можно?

Он что, у меня разрешения спросил?

Наши взгляды встретились, и я поняла, что глаза у него не светлые, а желто-оранжевые, с тонкой темной каймой вокруг радужки.

Когда мы встретились в первый раз, было слишком темно, чтобы разглядывать такую мелочь, как чей-то цвет глаз. Вчера, конечно, вообще было не до этого, и вот сейчас, когда дневной свет исключал любую ошибку, я застыла, как напуганный кролик, под едким, острым взглядом, похожим на взгляд хищной птицы.

Видимо, все, что я подумала, отразилось у меня на лице.

Волшебник, конечно, понял.

– Фамильная черта, миледи, – пояснил он с кривой полуулыбкой, от которой на его лице проступило что-то неприятное. – Почему так – долгая история. Мой цвет глаз не самое странное, что здесь можно увидеть, поэтому предлагаю перейти к более важным вопросам.

Он убрал руку с книги и даже сам, кажется, отодвинулся, мгновенно став каким-то закрытым и отстраненным.

– Что же касается книг, – продолжил Кондор прохладно, – то я бы советовал начать с истории или этикета. Это сейчас куда полезнее.

– Именно так я и сделаю, – ответила я и демонстративно осмотрелась. – Как только пойму, где мне искать список обязательной литературы для попаданок.

Кондор хмыкнул и тоже осмотрелся.

– Я подумаю, что здесь можно сделать, – ответил он куда вежливее, чем я ожидала. – Твои предшественницы не проявляли к библиотеке особого интереса.

– Поэтому прислуга расслабилась?

– У местной прислуги есть свои недостатки, – сказал Кондор. – И своеобразное представление о порядке вещей. Но ближе к важному, Мари. Я, кажется, обещал тебе кое-что. И если я не нарушу твои планы в столь, хм, интересном занятии, как изучение магии по сомнительным источникам, – Кондор почти брезгливо ткнул пальцем в корешок книги, которая все еще лежала между нами, – то у меня как раз есть время и силы, чтобы приоткрыть завесу и показать тебе твой мир. И то, что ты хочешь там увидеть.

Я буквально вскочила, чуть не ударившись коленом о стол.

– Да, конечно! Спрашиваешь еще! – сказала я, боясь, что он вдруг возьмет – и передумает.

– Замечательно.

Маг снисходительно улыбнулся и сделал мне знак сесть на место.

Он, в отличие от меня, никуда не торопился, поэтому пришлось плюхнуться на стул. От шумного вздоха я не удержалась.

Кондор снова нахмурился, словно моя порывистость разочаровала его.

– Сначала выслушай меня, чтобы не было неприятных сюрпризов, – ворчливо сказал он и на секунду замялся, будто готовился сказать мне что-то не очень приятное. Его пальцы отбили на обложке книги несложный ритм. – Может быть, ты уже успела отсюда вычитать, что иногда для волшебства нужна весьма определенная жертва. Зеркало, через которое ты будешь смотреть на свой мир, потребует крови. – Он пристально посмотрел на меня и добавил, как будто бы я и без того не поняла: – Твоей крови, милая.

Он замолчал, давая мне время понять и осознать сказанное. Наверное, это правильно, мало ли, как непосвященный человек отреагирует на предложение поделиться собственной кровью.

Я пожала плечами и скривила губы, мол, тоже мне. Обещание боли меня не пугало, в моей жизни были вещи, куда более неприятные, чем пара часов под машинкой у тату-мастера. Но живот все равно свело от волнения, это был не страх перед болью, скорее, предвкушение чего-то такого, непосредственного участия в чем-то настолько... необычном?

– Проколешь мне палец булавкой? – спросила я.

– Можно сказать и так, – ответил Кондор, не слишком довольный моей бравадой. – Только прокалывать будешь сама. Считай это частью ритуала.

Он криво улыбнулся моей смелости и встал, протягивая руку, за которую я не взялась.

– Куда мы... – начала я, когда поняла, что он и не собирается воспользоваться дверью.

– Храм находится в другом месте, Мари, – ответил Кондор, остановившись у той самой ниши с зеркалом. Значит, моя догадка, как он пришел в библиотеку, была верна. – Пытаться попасть туда через дверь было бы скучно и долго, но, к счастью, особым гостям доступны особые пути. – Он снова предложил мне руку ладонью вверх, на этот раз сопроводив жест почти глумливым поклоном. – Если ты не возьмешь меня за руку, боюсь, я не смогу провести тебя с собой, милая, – добавил маг серьезно и прохладно.

– А... это не опасно? – уточнила я, опасливо вкладывая свою ладонь в его.

Одно дело – магические светильники щелчком пальцев включать, а вот через зеркала шастать – это совсем другое. Я ж не знаю, что там, с той стороны, и что именно я сейчас почувствую. В книжках тоже разное пишут.

– Это не более опасно, чем все остальное, Мари, и не страшно. – На лице Кондора появилось выражение нетерпеливого раздражения. – Ты быстро привыкнешь. Идем.

Рука волшебника была прохладной, как я и запомнила. Сильные пальцы крепко обхватили мою кисть, и меня повели за собой.

Я затаила дыхание, как перед прыжком в глубину, и закрыла глаза, крепче вцепившись в руку Кондора и чуть не поранившись об одно из его колец. Никакого головокружения, никакого ощущения падения или чего-то еще, о чем я читала в фэнтези, не было, только легкое сопротивление пространства, словно проходишь сквозь сильный вертикальный поток воздуха.

После этого стало заметно холоднее, и я открыла глаза.

Под ногами у меня был вымощенный каменной плиткой пол, сквозь трещины в котором торчала бурая сухая трава. Длинный узкий коридор убегал вперед, мягко заворачивая влево, его потолок терялся в вышине. В стене то тут, то там темнели ниши, а в нишах – колонны и статуи, увитые побегами какого-то растения, высохшими, черными, но все еще цепкими.

Свет падал из узких окон, лишившихся стекол.

Кое-где лежал снег, труха опавших листьев, осколки цветного стекла и птичьи скелеты, распластанные на камне.

Я переступила с ноги на ногу и обхватила себя руками.

За моей спиной в отполированной поверхности черного камня стояло мое сумрачное отражение.

– Это и есть храм? – спросила я, вглядываясь во тьму внутри этого странного зеркала. Не про него ли?..

– Да, это и есть храм, – сказал Кондор и коснулся моего плеча. – Пойдем.

– А это...

– А это обсидиан, – ответил он, не оборачиваясь.

Пришлось догонять.

Мы прошли мимо высоких ворот, запертых на засов, обвитый стеблями так, что, пожалуй, не разрубив их, сдвинуть его не получилось бы.

Это место напоминало не то заброшенное гнездо, не то вымерший волшебный дворец, погруженный в чары сна. Ни жрецов, ни армии служек – только пустота и зимний холод вокруг.

Кондор уже не держал меня за руку, он молча шел вперед, а мне приходилось на каждый его шаг совершать два. Краем глаза я замечала и разбитые витражи, и выщербленные барельефы, и еще много чего такого, и думала, что за такое отношение к храму я бы по голове настучала, будь я на месте их богов.

Так и запишем.

– Что здесь произошло? – выдохнула я и встала на месте.

Из рта шел пар.

Кондор остановился и повернулся ко мне, наклонив голову набок. На его лице читалось удивление и очень въедливое любопытство, словно заданный вопрос стал для него сюрпризом.

– В смысле? – переспросил он.

– Здесь никого, – ответила я, вздрогнув от звука собственного голоса. – Ни слуг, ни священников, ни прихожан. Ворота закрыты. Все заброшено.

Говорить было сложно, я замерзла, и губы переставали слушаться. Я обхватила себя руками и подумала, что кое-кто мог хотя бы предупредить, что нужна куртка. Или шарф.

Кондор вздернул острый подбородок, окинув меня задумчивым взглядом, а потом начал снимать то, что носил вместо пиджака. Не знаю, сюртук? Камзол? Пусть будет сюртук, дальше разберусь.

– Что ты...

– Прости, Мари, я не подумал, – сказал маг, набрасывая сюртук мне на плечи. Сам он остался в рубашке и жилете. – Я несколько рассеян в последнее время, как ты успела заметить, но, поверь, я не со зла.

Это было настолько неожиданно, что “спасибо” я буквально прохрипела.

– Не за что, – хмыкнул Кондор.

Ему, кажется, было совсем не холодно.

Так же, как Ренару, который вышел в одной рубашке на крышу башни.

У них тут что, магическая терморегуляция у всех?

– Что же касается твоего вопроса... – задумчиво продолжил волшебник. – Скажем, это особый храм. Он создавался не для того, чтобы пропускать сквозь себя толпы страждущих и ищущих, а тех, кто хранил порядок в нем, к сожалению, больше нет под этими небесами.

Он посмотрел на меня сверху вниз.

– У меня, увы, не было возможности узнать о тонкостях религии в твоём мире. Если у тебя возникнет желание поговорить об этом, я к твоим услугам. А сейчас пойдем, пока мы оба не замерзли.

И он снова легонько толкнул меня вперед.

– Мы почти пришли.

Мы и правда почти пришли. Коридор закончился тупиком, в конце которого стояла большая каменная чаша, полная воды, чуть подернутой корочкой льда. На стене за этой чашей еле-еле проступали контуры фрески – несколько кругов, расположенных по горизонтальной дуге.

– Луна, – выдохнула я.

Кондор покосился на меня.

– Все верно, – сказал он.

– Но... у вас же две луны...

Маг усмехнулся, но ничего не сказал. Вместо этого он взял меня за плечи, развернул налево, где в стене зияла арка проема – и мы оказались посреди большого круглого зала.

Высокий потолок заканчивался стеклянным куполом, каким-то чудом уцелевшим в этой разрухе. На стенах еще различались поблекшие фрески, в стрельчатых окнах – остовы витражей. Их было одиннадцать, по пять с каждой стороны и один впереди, над возвышением, к которому вели широкие каменные ступени. А на этом возвышении стояло огромное, очень яркое и чистое зеркало. Его металлическая рама блестела так, словно ни время, ни равнодушные люди, забросившие это место, ни холод, ни влажность – ничто не могло заставить ее потускнеть и поблечь.

Я чуть не споткнулась, засмотревшись, и цапнула Кондора за рукав.

Он истолковал это как-то по-своему.

– Здесь нечего бояться. И вообще. – Он посмотрел на меня и ухмыльнулся с таким легким острым высокомерием. – Пока я не боюсь, не бойся ничего.

Я разжала пальцы.

– А если ты боишься? – спросила я, поднимаясь за ним к зеркалу.

Ступени были выщербленными и затертыми.

– О, тогда беги в ужасе и прячься под кровать, – фыркнул маг и провел рукой по металлической раме, словно смахивал несуществующую пыль. – Это дверь, – сказал Кондор, словно представлял мне важную персону. – Говорят, когда-то она выглядела иначе.

– Очень приятно, дверь, – ответила я с усмешкой. – Будем знакомы.

Мне показалось, что где-то вдалеке раздался еле слышный хрустальный перезвон, как будто бы ветер смахнул с крыши мелкое крошево льда.

Мое отражение в зеркале едва доставало макушкой до плеча отражению волшебника, и красные кеды на полу, на котором различался какой-то затертый узор, выглядели дико. Наверное, еще более дико, чем на паркете в украшенных гобеленами залах.

Я вдруг поняла, что там, в библиотеке, мне ничего не сказали про мой наряд. Кондору все равно или... или это такое проявление вежливости?

Кондор повернулся ко мне и бесцеремонно сунул руку в карман своего сюртука, ни капли не смущаясь тем, что этот самый сюртук в этот момент был надет не на нем.

– Держи булавку, – с усмешкой сказал он, протягивая мне небольшие кожаные ножны.

В них оказался нож, маленький, чуть длиннее моей ладони от запястья до кончиков пальцев. Загнутое лезвие, заточенное с внутренней стороны, напоминало не то серп, не то коготь хищника.

Совсем не булавка.

Я моргнула и поняла, что мне страшно.

Это тебе не кровь в больничке сдавать, дурочка.

– Что я... – я подняла взгляд на Кондора.

– Что ты должна делать? – мягко подсказал он.

– Ну... да. – Я дотронулась острым кончиком ножа до подушечки большого пальца. Страшно. – Чертить какие-то символы или...

Кондор покачал головой.

– Ничего такого. Просто положи руку на раму. Вот так. – Его пальцы легли на один из металлических завитков. – И попытайся представить то, что хочешь увидеть. Или кого хочешь. Найди свой маяк. – Кондор улыбнулся. – И сама к нему выйдешь.

Я моргнула.

– И все?

– Ну... – Его взгляд скользнул по ножу в моей руке. – Остальное – уже моя работа.

Я разочарованно хмыкнула, демонстративно взвешивая нож в руке.

– Что? – ласково спросил Кондор, наклонив голову набок.

– Я ожидала сложных ритуалов и заклинаний, – призналась я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

Почти дерзко.

– Сейчас в них нет нужды, – маг ухмыльнулся, чуть вздернув подбородок.

Кажется, он понял, что я болтаю, чтобы оттянуть неприятный момент, и нашел это забавным.

Стальной коготь замер над моей кожей.

– А если ты мне врешь? – спросила я. – И все, что я увижу, будет только иллюзией?

Кондор скрестил руки на груди, вздохнул и демонстративно закатил глаза, словно спрашивал у местных духов, за что ему это все. Будь его воля, он, кажется, еще бы и головой о зеркало побился.

– У меня нет причин тебе врать, – устало ответил волшебник. – Если бы я хотел задурить тебе голову, выбрал бы куда менее затратный для себя способ. Не потащился бы сюда в мороз. Не стал бы использовать сакральное пространство. И не заставлял бы никого резать руки, – холодно перечислил он и добавил почти обиженно: – Но, конечно, ты можешь мне не верить. Полностью твое право.

Направленный на меня взгляд был хмурым.

Я сжала лезвие ножа в руке и вытащила, рассекая себе ладонь быстро и глубоко, наверное, глубже, чем надеялась. Тут же стало горячо, липко и больно, алое проступило между пальцев, потекло по запястью, а я так и стояла с разведенными в стороны руками, сжимая в правой рукоять ножа.

Кондор забрал нож, не без труда разжав мои побледневшие пальцы.

Он ничего не сказал, но осторожно приобнял за плечи, подталкивая вперед. И руку мою, испачканную в крови, он тоже сам к раме приложил, накрыв своей рукой.

«Как трогательно, – успела подумать я. – Это он поддержать пытается или боится, что я сбегу?»

А потом я снова услышала звон, и мир начал меняться.

Цветные пятна уцелевших стеклышек в витражах, блики света, камень и металл, тени в углах – я видела это все, но каким-то другим, более четким, более ясным. Мое испуганное бледное лицо в зеркале показалось чужим. Мелькнула где-то под самым потолком тень, стремительная, как ласточка, и воздух вокруг застыл, замерз и замер весь, от пола до верхней точки стеклянного купола вместе со всеми пылинками, снежинками, бликами и тенями.

Мир вокруг рухнул, все пылинки, все блики, вся снежная взвесь, все полетело вниз – и я тоже рухнула туда, в глубину зеркала, уже не помня ни о боли в руке, ни о маяках, ни о том, что так и не спросила, как мне отсюда выбраться.

Мама что-то готовила на кухне.

Кухня была крошечной – три шага туда-сюда.

Часы на микроволновке показывали половину десятого.

Значит, это завтрак.

Я видела мамину спину, локти, бантик на поясе фартука, то, как двигается рука с ножом – вверх, вниз, вверх, вниз, как идет пар из-под крышек. Стол, такой же маленький, как и кухня, был накрыт на троих очень тщательно. Так делают люди, для которых важно собрать всех вместе в один момент, и не важно, каких усилий это стоит. Я знала, что будет дальше, очень хорошо знала, могла бы даже вести счет по секундам. Вот сейчас мать повернет голову – есть, крикнет что-то, не выпустив из руки ножа, – сделано, поднимет крышку, помешает, что-то поставит на стол, что-то с него уберет, что-то переложит, перепроверит – сделано. Все как по расписанию.

Я ненавидела это всю жизнь, все эти домашние ритуалы, салфетки, приборы, просьбы передать соусницу, которая вообще непонятно зачем нужна на этом крошечном столе, пустые разговоры, в которые тебя пытаются втянуть, но сейчас вдруг очень захотела туда. К салфеткам и соусницам. И даже к разговорам.

Ко всей этой игре в благополучную и дружную семью, в которой принято молчать за завтраком или говорить о погоде.

К неудобным для меня вопросам, к придиркам младшей сестры, к звукам телевизора, который за едой смотрел отец – деловые каналы, скучную и нудную болтовню об экономике.

Кстати, о сестрах.

Она появилась как обычно медленно, заполняя своим присутствием все пространство, и застыла напротив меня. Я поняла, что смотрю из зеркала на стене, над столом, оно круглое, декоративное, не слишком нужное, привезенное откуда-то из отпуска – бесполезная вещица, к тому же безвкусная и висит не на месте. И вот пригодилась, надо же.

Лицо моей младшей, очень похожее на мое собственное, было прямо перед моим лицом настолько близко, что я на секунду испугалась, а не видит ли она меня. Нет. Конечно, нет. Она смотрела на себя и только на себя, на четкие стрелки, от которых ее глаза казались хитрыми, а она сама – чуточку более взрослой.

Она налюбовалась, хмыкнула и отошла в сторону, поправляя бархатный чокер. Удивительно знакомый, надо сказать.

Она даже дома одевалась так, словно готовилась, как любила говорить, выйдя за хлебом, встретить свою судьбу.

В последние полгода эта судьба должна была воплотиться в готическом принце, и, кажется, в мое отсутствие кто-то набрался наглости и добрался до моих старых вещей на антресолях.

Не то чтобы мне было жалко, но...

Мир подернулся рябью и начал расплываться, словно кто-то кинул камень в воду, и пошли круги один за другим.

Один за другим – во все стороны от точки падения.

Все вокруг рассыпалось и собиралось заново, картинка сменяла картинку, искажались углы зрения, мелькали перед глазами цветные пятна, огни и силуэты.

Вот моя старшая сестра пишет что-то – я вижу это из зеркальца на ее столе. Тонкий кончик гелевой ручки скользит по тетрадным листам, растянутые рукава домашнего свитера прикрывают почти половину кисти, на ногтях – ошметки темного лака.

Вот моя работа и поток людей, очередь к кассе, вешалки, кто-то отбрасывает волосы за спину, кто-то улыбается и смеется – я не слышу смех, я вижу лица, жесты, запрокинутую голову, крупные серьги в ушах.

Вот моя подруга покупает кофе перед парой – я смотрю на нее из зеркала, висящего над головой бариста, вижу кошелек, цветную макушку, мех на капюшоне. Я знаю, что она не выпалась опять, я знаю, что у нее в стакане две порции эспрессо без сахара.

Вот человек, которого я любила, смотрит на себя в маленькое треснувшее зеркало над раковиной в ванной. Лампочка светит на него слева, и он чуть шурится, пытаясь пригладить непослушный вихор. Он постригся, и мне грустно от этого. Мне нравилось, что его волосы были длиннее моих. Я смотрю на его лицо и пытаюсь запомнить эти черты, словно и без того не помню их на взгляд и на ощупь: тонкий нос, прямые брови, крошечный шрамик от пирсинга на нижней губе.

Чья-то ладонь закрывает ему глаза, и он улыбается, ловит ее, кусает за пальцы...

...я исчезаю – кажется, во всех смыслах, падаю куда-то во тьму, в мельтешение снежинок, в колючую пургу, в ледяной ад.

И здесь, посреди снежного вихря, я смотрю на самую себя.

Чей-то голос зовет меня по имени очень настойчиво, у меня болит левая ладонь – я достаю ее из кармана, и на снег падают красные капли. Я отмахиваюсь от голоса и от боли в руке и пытаюсь догнать себя. Что-то идет за мной, за той, другой мной, что-то, отчего мне – обоим нам – страшно и хочется бежать.

Снежная пелена густеет, снежинки становятся острыми, как осколки, ветер безжалостно бросает их прямо мне в лицо, царапая кожу, словно пытается меня остановить, но я упрямо иду вперед, не теряя из виду собственную тень.

Иду до тех пор, пока мир снова не начинает расплываться.

– Хватит, – сказал Кондор. – Пора возвращаться.

Я решила послушаться его и вернулась – очнулась, хватая ртом воздух, словно только что решила испытать себя и задержать дыхание так долго, как могу.

Зеркало было все таким же сияющим и равнодушным, и ничего, кажется, не изменилось.

Только я почему-то плакала.

И еще стало темнее, самую малость, потому что там, над нами, за стеклом собирались тяжелые тучи, обещающие снегопад.

Моя кровь осталась на зеркале – красное пятно, портящее его совершенную чистоту. Я уставилась на глубокий порез, рассекающий ладонь посередине, и подумала, что из всех вещей, которые я сейчас сделала, порезать себя было самой простой задачей. Шрам, наверное, останется, но так даже интереснее.

– Не останется.

Кондор схватил меня за запястье и осторожно расправил раненую ладонь. Его пальцы прошли вдоль пореза – было щекотно и тепло. Кровь исчезала, рана затягивалась, я удивленно смотрела, как срastaются ее края, и не чувствовала ни страха, ни отвращения.

Но взгляд в итоге отвела – куда-то в сторону и вниз.

– Если честно, – сказала я, удивляясь тому, что слышу свой голос, и он даже звучит не слишком хрипло, не срывается на плаксивые причитания, – я бы предпочла этого не делать.

– Чего не делать? – Кондор закончил с моей рукой и смахнул с нее засохшую кровь.

– Не смотреть.

– Увидела что-то не то?

Он все еще стоял близко, так близко, что если я упаду, успеет подхватить.

А на мне все еще был его сюртук. Или как оно называется?

Я кивнула, стирая ладонью слезы со щек, а потом поняла, что не могу больше играть в стойкого и смелого бойца, которому все нипочем. Я села прямо на каменную ступеньку, совсем забыв, что вокруг зима и пол холодный, и сжалась, стараясь не дышать, чтобы не разрыдаться. «Сейчас пройдет, – думала я, – всегда проходит».

К сожалению, не прошло, и я спрятала лицо в ладонях.

Когда Кондор со вздохом сел со мной рядом и слегка приобнял за плечи, я совсем перестала дышать. Это было последнее, что я сейчас ожидала.

– Мне очень жаль, – сказал он. Тепла в его голосе было не больше, чем раньше, но, кажется, он не спешил осуждать меня или напоминать, что я сама обо всем попросила. – Я не знаю, что ты видела и что именно из этого тебя расстроило, но мне очень жаль, что так получилось. – Маг как-то неловко погладил меня по голове, когда я, не выдержав, все-таки хлюпнула носом. – Ай-й, и я тоже тот еще болван, конечно!

Почему именно он болван – этого волшебник решил не говорить.

Это прозвучало как-то иначе. Не как все остальное. Растерянно. Со странной, не злой досадой на самого себя. Я, честно говоря, думала, что Кондор как следует меня встряхнет и заставит успокоиться, напомнив, что господин маг здесь не в роли моей мамочки... В общем-то, он совсем не обязан вытирать мне слезы.

Но судя по белому носовому платку, который мне протянули, когда я выпрямилась, выползая из своей раковины, именно этим он и намеревался заняться. Ну, как умел.

– С-с-спасибо, – едва не заикаясь, сказала я, сжимая платок в руке.

– Не за что, милая. – Маг снова вздохнул и попытался мне улыбнуться. – Не могу сказать, что я мастер в том, чтобы справляться с потоком женских слез, но, боюсь, именно сейчас у меня нет выбора.

– Прости, я... – начала было я, используя платок по назначению, то есть стирая им слезы, текущие по щекам и подбородку.

– За что мне тебя прощать, Мари? – совершенно искренне удивился Кондор. – Ты не сделала ничего дурного. Думаю, у тебя есть весьма понятный повод для печали. – он кривовато ухмыльнулся, отводя взгляд в сторону. – Я, признаюсь, совершенно не представляю, что с тобой сейчас делать.

– Я тоже, – сказала я. – Не знаю, что теперь с собой делать.

– Вот видишь. – Кондор улыбнулся добрее. – У нас, оказывается, общая беда. И у меня есть предложение.

– М? – всхлипнула я.

Кондор встал со ступеньки и осторожно дотронулся до моего плеча, будто пытался разбудить. Я подняла голову, щурясь на него. Больше всего сейчас хотела оказаться у себя в комнате и спрятаться под одеялом.

– Я не уверен, что моя компания может считаться хорошей, – сказал волшебник, наклонившись ко мне. – И тем более не уверен, что ты решишь поделиться своими печалью с кем бы то ни было. Но я хочу предложить тебе выпить вместе – а дальше решай сама.

– Что? – не поверила я.

– Идей лучше, чем пьянка, у меня сейчас нет. Разве что какое-нибудь заклинание. Но это тебе не понравится, гарантирую.

Кондор протянул мне руку, я почти автоматически схватилась за нее, и мне помогли встать.

– Ты сейчас серьезно? – я моргнула, глядя на него.

– Абсолютно. – Кондор кивнул без тени улыбки. – Но если ты по каким-то причинам предпочтешь побыть одна, я пойму и найду для тебя легкое успокоительное.

– Нет, я не... – Я растерянно выдохнула, заправила за ухо выбившуюся прядь волос и поняла, что, наверное, он прав. Извиниться и уйти к себе, чтобы рыдать под одеялом, я всегда успею. – Ладно, давай... попробуем.

Черная гладь обсидиана. Туман. Шаг.

И мир изменился быстрее, чем я успела уловить и осознать разницу температур.

Я стояла, пялясь на свои ладони, пока Кондор не окликнул меня.

– Прекрасно понимаю желание побыть в одиночестве, – сказал он, – но спешу напомнить, что мы договаривались о чем-то совсем другом. Держи. – Он протянул мне полотенце. – Это мои личные комнаты... и там – ванная. – Он махнул рукой куда-то в сторону. – Умойся. Это поможет прийти в себя.

Я рассеянно кивнула.

– А ты куда?

– Загляну на кухню, – усмехнулся он, отодвигая меня в сторону. – Я, знаешь ли, предпочитаю закусывать.

Я моргнула, чувствуя себя в еще большей растерянности, чем до этого, и как-то упустила момент, когда осталась одна.

Кондор не шутил. И не передумал. Его предложение все еще было в силе, и, черт возьми, меня это вдруг испугало.

Я задумчиво стянула с себя сюртук, сосредоточенно и педантично сложила его, будто бы в этом простом действии был какой-то тайный смысл, и оставила на спинке кровати. Переброшенное через плечо полотенце казалось мне тяжелым.

Вокруг была чужая территория, на которую я проникла и потому чувствовала себя крайне неловко. Я очень старалась оставить как можно меньше следов и не смотреть по сторонам, словно бы могла наткнуться на какую-то тайну, обнаружение которое грозило проклятием.

Но я все равно заметила, к примеру, темно-синее покрывало на кровати, тяжелые гардины и ту необжитую пустоту, которая бывает в роскошных номерах отеля, куда приходят только ночевать.

Я подумала, что кабинет Кондора с завалом бумаг на комод, со стопками книг и всем прочим, был куда более... теплым? Не в смысле температуры воздуха.

В ванной комнате тоже был витраж, но не с единорогом, как в моей, а с узором из листьев и цветов, похожих на цветы шиповника. Я подставила руки под воду, сделав ее ледяной, настолько холодной, чтобы пальцы начала сводить судорога, и посмотрела в зеркало, висевшее над раковиной. Зрелище было печальным во всех смыслах.

Ну, ничего удивительного, я бы себе тоже предложила сначала умыться, а потом уже все остальное.

Холодная вода действительно помогла, я перестала чувствовать песок под веками, перестала нервно дрожать, словно вместе со следами слез вода смыла и всю ту муть, которая поднялась в душе. Отражение, взлохмаченное и бледное, с намокшими тонкими прядями, прилипшими ко лбу и щекам, смотрело на меня зеленущими от слез глазами. Я провела рукой по волосам, пытаясь привести их в подобие порядка. Рука слегка дрожала от волнения.

Я согласилась напиться.

С едва знакомым мужиком, красивым настолько, что я боялась смотреть на него.

В другом, мать его, мире.

Я оперлась руками о раковину и рассмеялась.

Лекарство от меланхолии

В кармане толстовки обнаружилась зажигалка.

Видимо, я прихватила ее утром, когда собиралась, так, в качестве бесполезного талисмана.

Кондор не приказывал мне оставаться и ждать его на месте, поэтому я выскользнула в уже знакомый коридор и без труда нашла в нем дверь, ведущую в гостиную. Ту самую, где проснулась позавчерашней ночью.

Сидеть на этом диване оказалось куда удобнее, чем спать. Я привычным движением откинула крышку зажигалки и щелкнула колесиком – просто из желания отвлечься, потому что пачка сигарет все равно осталась в ящике в спальне. Безрезультатно. Зажигалка все еще не хотела работать. Я даже потрясла ее непонятно зачем, но это тоже ничего не дало.

Вот такой вот растерянной, с мокрыми волосами, с открытой зажигалкой в руке, меня нашел Кондор – и напугал, появившись внезапно за спиной и протянув мне красивое красное яблоко.

– Спасибо, – прохрипела я, застыв, как идиотка, с яблоком в одной руке и зажигалкой в другой.

Что делать со всем этим, почему-то не приходило мне в голову.

– Угощайся, – небрежно бросил маг, занимая одно из кресел напротив. Он сел расслабленно, закинул ногу на ногу и, подперев ладонью подбородок, посмотрел на меня. Я растерялась еще больше. – Не отравлено, – усмехнулся Кондор. – Не бойся.

Я недоверчиво посмотрела на него, попыталась улыбнуться и положила яблоко рядом с собой.

– Спасибо, пока не хочу. – И сунула руку с зажигалкой в карман. – Я оставила вещи в твоей комнате.

Он молча кивнул, разглядывая меня с каким-то исследовательским интересом от макушки до кончиков кед, с каждой минутой все больше хмурясь, словно бы что-то во мне ему не нравилось. Молчание затянулось, я сложила руки на коленях и сосредоточенно смотрела на пальцы, чтобы не столкнуться вдруг с пронзительным и въедливым взглядом желтых глаз.

Ногти немного отросли, на одном мизинце чернели остатки лака – я зачем-то накрасила его накануне того дня, когда...

– Я попросил принести обед сюда. – Голос Кондора звучал на удивление приветливо. – Надеюсь, ты не против.

Я помотала головой – мне было просто все равно.

Даже если обед принесут птички и белочки, как и должно быть в сказке.

Маг устало вздохнул. Я заметила, что он встал, послышались мягкие шаги – куда-то в сторону, к какому-то из углов комнаты, левее, ближе к дверям в кабинет. Раздался звон стекла, ударившегося о стекло, это заставило меня очнуться и вернуться в мир. Мне стало немного страшно, как бывает перед лицом неизвестности, на встречу с которой ты уже согласился. В голове вдруг возникло множество «а что, если?» и сценариев дальнейших событий, и мне пришлось заставить себя успокоиться и не придумывать всякое. Получалось не слишком хорошо.

– В том, что касается выпивки, я разбираюсь в традициях вашего мира еще хуже, чем в его религии, – сказал Кондор, ставя на стол между нами два низких бокала из кусочков цветного стекла и темную непрозрачную бутылку. – И взял на себя смелость выбрать для тебя кое-что необычное. – Он ловко вытащил пробку из бутылки и посмотрел мне в глаза. – Если не понравится, придумаем что-нибудь другое.

Напиток был темно-красным и густым.

– После твоего зелья для спокойного сна, думаю, мне все понравится, – ворчливо ответила я, принимаясь.

То, что было в бокале, пахло травами и вишней. Приятно. Пряно. Незнакомо. Я поднесла это к губам и попробовала, даже глоток не сделала, так, осторожничая, и удивленно застыла.

С мерзким на вкус вчерашним зельем, конечно, не было ничего общего. И со всем, что я пробовала до этого, тоже. Вот если сделать глинтвейн с вишневым соком, добавив, кроме специй, еще какие-то травы, то вот это, наверное, напомнило бы по вкусу то, что было в моем бокале. Только оно было еще темным, густым и вязким. И холодным, почти ледяным.

– Понравилось? – Кондор сидел напротив и все так же смотрел на меня. Казалось, что его губы вот-вот растянутся в торжествующей улыбке. Я кивнула. Он самодовольно усмехнулся и поднял чуть выше руку с бокалом – цветное стекло было покрыто тонким слоем инея. – Тогда пьем.

– За культурный обмен, – сказала я и опрокинула содержимое бокала в себя.

Он не протестовал.

– Этот напиток называется «Лесная кровь», – сказал Кондор, заново наполняя наши бокалы. Когда он дотронулся до одного из них, чтобы протянуть мне, от его пальцев по стеклу разошлись тонкие линии морозного узора. – Держи. Его делают в Каэрии... в одном из ее северных княжеств. Эльфы, – многозначительно протянул маг, словно именно это вот «эльфы» все и объясняло, и задумчиво посмотрел в свой бокал. – У нас много раз пытались повторить, но всегда получалось что-то не то.

Я сидела как на иголках, цепляясь рукой за собственное колено, и очень надеялась, что волшебник этого не замечает. Бокал в руке слегка дрожал и клацнул о зубы, когда я попыталась сделать глоток. Это меня выдало.

– Не трясись так.

Кондор расслабленно откинулся на спинку кресла. Его голос прозвучал ровно и почти холодно, но мне почему-то казалось, что и за этой холодностью, и за ленивой позой скрывалось что-то, что он сдерживал. Слишком уж подчеркнутым было его спокойствие.

– Пей. – Маг кивнул на все еще полный бокал в моей руке, и я послушалась. – Я не собираюсь ни есть тебя, ни превращать в жабу, ни проделывать с тобой еще что-то из тех вещей, которые ты успела себе придумывать, милая. – Теперь в его голосе прорезалось ехидство. –

Хотя насчет жабы я подумаю... Если вдруг проблем от тебя станет слишком много, и носить тебя в кармане будет лучшим их решением. Вот, так лучше.

Он, кажется, заметил мою попытку улыбнуться и приподнял свой бокал.

Но ничего больше не сказал.

То ли не знал, о чем со мной разговаривать, то ли боялся задавать вопросы, то ли ждал, что я сама буду делать. Так или иначе, когда молчание стало невыносимо тяжелым, я, поежившись, решила, что мне неуютно.

– Я думала, что я... раздражаю тебя, – призналась я.

Не иначе как это их эльфово зелье в голову ударило.

Кондор наклонил голову набок, показывая, что внимательно меня слушает.

Я продолжила уже смелее:

– Ты не отличался приветливостью в нашу первую встречу. И потом тоже.

Он криво улыбнулся, левый кончик губ дернулся вверх, и лицо сразу стало высокомерным.

– У меня были причины для раздражения, – сказал он. – Сожалею, если оно так бросилось в глаза. – Кондор приложил правую ладонь к груди и слегка наклонил голову, как в библиотеке, когда извинялся за то, что ввалился ко мне в ванную комнату. – Принято считать, что волшебники вообще не отличаются добрым нравом, а я – не последний волшебник в этом мире, и мне нужно как-то поддерживать репутацию.

Он шутил, и я поддержала шутку:

– Девичьи сердца небось поедает?

– И печенью закусываю, – хищно оскалился Кондор. – Как полагается большой злобной птице. Нет, лично ты меня раздражаешь не больше, чем любой другой человек, – добавил он уже серьезнее и попытался забрать бокал, который я прикрыла ладонью, намекая, что мне пока хватит. – Э, не-ет, милая. Я позвал тебя с весьма конкретной целью и намереваюсь дойти до конца.

Он недовольно нахмурился и попытался посмотреть мне в глаза, и теперь уже мои губы дернулись в пародии на улыбку.

Ладонь с бокала я не убрала.

– Мне пока хватит. Иначе цели мы достигнем слишком быстро, – сказала я как можно тверже и спрятала руку в карман – к зажигалке.

– М-м-м... – Он понимающе кивнул. – Тогда вернемся к вопросу моей неприветливости. – Он сделал глоток. – Дай мне то, что у тебя в кармане.

– Что? – не сразу поняла я.

– То, что ты так судорожно сжимаешь в руке, милая. – Кондор протянул раскрытую ладонь в мою сторону. – Кажется, там что-то сломалось, и в этом есть немного моей вины.

Я растерянно достала зажигалку и протянула ее магу.

– Не понимаю, что случилось, – сказала я, не зная, подсказать ему, как оно работает, или нет. – Может, намокла и еще не просохла, может, что-то с кремнем, может... Ты... Как?!

Кондор торжествующе хмыкнул. Он не только сообразил, как высечь пламя, он что-то сделал и сейчас демонстрировал мне ярко-синий огонек.

Крышка щелкнула, закрываясь.

– Будем считать это попыткой купить твое доверие, – сказал маг, возвращая мне зажигалку. – Попробуй сама.

Я попробовала, нажала пальцем на колесо и высекла пламя. Оно было другим – не обычным газовым огоньком, бледно-голубым у основания, а таким же насыщенно-синим, как цветок, созданный из магии, и птица, слетевшая с руки Кондора в ту ночь, когда мы встретились.

Птица рассыпалась на множество мелких искорок, когда ударилась о стекло витража.

Я зачарованно смотрела на точно такие же искры, вырывающиеся из моей зажигалки, и хотела уже поднести к огню палец, чтобы проверить, но меня остановили:

– Оно обожжет тебя так же, как обычное пламя, – спокойно сказал Кондор. Я бросила в его сторону короткий взгляд – маг наблюдал за мной, мирно улыбаясь. – Так что лучше не трогай. Хватит надолго, – пообещал он, наклоняя бутылку с «Лесной кровью» над моим бокалом. – А теперь пей. И не бойся меня. Ничего дурного я тебе не сделаю, – добавил он с такой усмешкой, словно знал, о чем я успела подумать и чего успела испугаться. – Пусть чародеи и отличаются зловредным коварством, но у некоторых из нас все-таки бывают определенные понятия о чести. Вот я как раз отношусь к таким «некоторым».

– Я это запомню, – пообещала я и потянулась к яблоку, решив, что настало его время.

Раздался предупредительный стук в дверь, и служанка, настоящая живая служанка, не призрак и не чудовище, зашла в комнату, неся перед собой поднос. Она поставила его на стол между нами, сняла с блюд крышки и салфетки и застыла рядом, старательно глядя в пол и держа руки перед собой. Все это она проделала молча, и от этого молчания было очень неуютно. Мне бросилось в глаза, как девушка едва заметно следила за магом, как вздрогнула, когда он случайно подался в ее сторону, как были сжаты ее бледные губы и слегка дрожали пальцы.

– Можешь идти, – кивнул ей Кондор и указал на стол. – Вечером пусть кто-то из вас заберет все это.

Девушка, не поднимая глаз, сделала книксен и исчезла за дверью так быстро, что у меня не осталось никаких сомнений в том, что она ужасно боялась.

И это тоже делало ее живой и настоящей.

Я медленно, с чувством выдохнула и поняла, что страшно проголодалась.

На лице Кондора было написано его отношение к случившемуся. Он устало хмурился и смотрел куда-то в сторону.

– Что? – спросила я, наклоняясь, чтобы расшнуровать кеды. Очень хотелось забраться на диван с ногами. – Ее ты тоже обещал в жабу превратить?

Волшебник дернул плечом, словно стряхнул с него что-то неприятное.

– Думаю, она боится меня по другой причине, – сказал он и усмехнулся совсем не весело. – Но заячья лапку в кармане все-таки носит.

– Заячья лапка? – переспросила я.

– Поможет от фэйри, – с улыбкой ответил Кондор и, кажется, тоже наконец решил, что проголодался. – От чар коварного волшебника, боюсь, не уберезет.

Он склонил голову набок, наблюдая, как я рассматриваю содержимое тарелок.

– Не стесняйся, милая, – сказал маг. – Одним яблоком ты не наешься.

Он проследил за тем, как я покорно взяла в руки тарелку с мясным рагу и, вооружившись вилкой, села на диване, скрестив ноги.

То ли «Лесная кровь» подействовала на меня благотворно, и я расслабилась, то ли свою роль сыграла чародейская харизма, но в какой-то момент я поняла, что строгий и резкий маг, которого я побаивалась, не зная, что от него ожидать, превратился в обаятельного парня. Я наблюдала, как меняется выражение его лица, как он лениво тянется за куском хлеба, как устраивается в кресле так, чтобы было удобно есть, держа тарелку на весу. Мой взгляд скользнул по яблоку, лежащему на краю стола, и я вдруг подумала, что это такое своеобразное проявление заботы.

Обо мне.

Совсем не то, чего ожидаешь от незнакомца, волей судьбы обязанного тебе помогать.

Наверное, именно в этот момент стена, за которой я хотела прятаться, разрушилась.

– Расскажи о себе, – попросила я.

Кондор замер, даже вилку до рта не донес, и посмотрел на меня, удивленно вскинув брови. Кажется, к такому повороту событий он был не готов.

– Мне правда интересно.

Я вытерла губы тканевой салфеткой, одной из тех, которые принесла служанка, и, окончательно осмелев, налила в свой бокал еще одну порцию... будем считать, что ликера.

– Любопытство – это похвально, – сказал Кондор, опуская вилку. – Но мне как настоящему волшебнику, живущему в зачарованном замке, полагается до конца сохранять тайнственность и держать некоторые факты своей биографии подальше от попавших в мои руки девиц. – Он подмигнул. – Предлагаю обмен. Ты рассказываешь о себе, а я отвечаю на твой вопрос об этом мире... и, хорошо, о себе как о его части.

– А Замок правда зачарован? – в тон ему переспросила я.

– Да, – кивнул Кондор с серьезным видом. – Как минимум, и тебе должны были рассказать про это, к Замку нельзя просто так выйти. Попасть сюда через портал без моего разрешения тоже не получится. Здесь очень глубокие подвалы, и видят боги, в некоторые углы я предпочитаю не заглядывать. Так что вполне себе зачарованный замок. Еще и в чаще. А если еще и сплетни послушать, о-о-о... – Он мечтательно посмотрел на потолок. – Я сам себя бояться начинаю.

Я улыбнулась и отпила глоток «Лесной крови».

– Почему ты предпочитаешь не заглядывать в некоторые углы?

– Это второй вопрос, Мари. – Он подался чуть назад, откидываясь на спинку кресла. – С твоего позволения, я бы послушал, что расскажешь ты. Иначе рискую остаться без горячего обеда.

– Ладно. О чем?

Он снова замер с поднятой вилкой.

– Можешь пожаловаться на жизнь. – Кондор чуть заметно пожал плечами. – Или удивил меня.

Я поджала губы. Нужно придумать что-то достаточно интересное, чтобы он не смог придраться, но при этом достаточно невинное... чтобы лишних вопросов не последовало. Обсуждать некоторые темы, вроде той, что касалась увиденного сегодня в зеркале, мне не хотелось. По крайней мере, сейчас. По крайней мере, с этим человеком.

Или не человеком?

Бросив вороватый взгляд в сторону мага, все внимание которого было сосредоточено на обеде, я поставила бокал на диван перед собой и вытерла ладони о колени, справляясь с волнением.

– У меня две... – Я кашлянула. – Две сестры. Одна старше, вторая младше.

– Отлично, – кивнул Кондор. – У меня одна. Младшая.

– Это считается за ответ? – на всякий случай переспросила я.

– Считай скидкой, – ответил он, не поднимая взгляда от тарелки с рагу. – Продолжай, я слушаю.

Я снова поджала губы, слегка прикусив нижнюю. Кондор сбил меня с мысли.

– В общем, моя старшая сестра очень умная, а младшая – красивая, – продолжила я, чувствуя, как мне снова становится неловко.

– А ты средняя, ни то, ни другое? – с ехидцей спросил Кондор, и я вспыхнула, потому что эта фраза ударила в самое больное.

Вот и верь потом, что те вспышки раздражительности, которые я наблюдала во время нашей первой встречи, были случайностью, а не закономерностью.

– Что, я прав? – Маг посмотрел на меня. – Прости, если задел.

Извинился он, впрочем, вполне искренне.

– Ты прав, – сказала я, решив, что прощать пока не буду. – Не то чтобы меня не любили дома, у меня хорошие родители...

– Но?

– Но свободы очень хотелось. – Я задумалась, хочу ли говорить еще что-то, и решила, что не хочу. Тем более, кажется, была моя очередь задавать вопросы. – Почему ты не заглядываешь в некоторые углы?

Кондор наклонил голову чуть вперед и усмехнулся.

– Хитра-я, – протянул он. – Потому что Замку очень много лет. Больше, чем мне. Больше, чем любому городу, до которого отсюда можно добраться. Его фундамент построен в такие времена, от которых остались только камни и немного легенд, поэтому я боюсь подумать, что может там обитать. – Он поставил пустую тарелку на стол и наполнил свой бокал. – Мне бы не хотелось тебя пугать, но реалии нашего мира таковы, что люди делят его не только с эльфами, но и с существами более волшебными и менее понятными. Вполне возможно, ты никогда с ними не столкнешься или, столкнувшись, не распознаешь в них нелюдей, но я, увы, сталкивался. Некоторые из них мирные и даже забавные, а вот в дела других лучше не лезть. Поэтому я стараюсь не соваться туда, где такие вот другие, как мне кажется, могут заниматься своими делами. – Его рука приподняла бокал. – Достаточно? Или хочешь подробностей?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.